

An artistic illustration of a man and a woman in a romantic embrace. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a dark blue button-down shirt. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a light blue denim jacket over a white top. They are facing each other, their noses just inches apart, as if about to kiss. The background shows a blurred city street with buildings and a car. The overall style is soft and painterly, with warm lighting.

Анастасия Ветрова

На грани чувств

Анастасия Ветрова

На грани чувств

<https://litres.ru/72113422>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть такая пословица: "Хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах." Когда неожиданно сильное чувство заставляет многое пересмотреть, кажется, что жизнь наконец дала второй шанс. ...Который тут же отнимает, разделяя всё на "до" и "после". Смогут ли герои сохранить свои чувства и сделать правильный выбор или обстоятельства возьмут верх?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	23
Глава 3.	31
Глава 4.	43
Глава 5.	61
Глава 6.	68
Глава 7.	75
Глава	88
Глава 9.	98
Глава 10	108
Глава 11	119
Глава 12	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Анастасия Ветрова

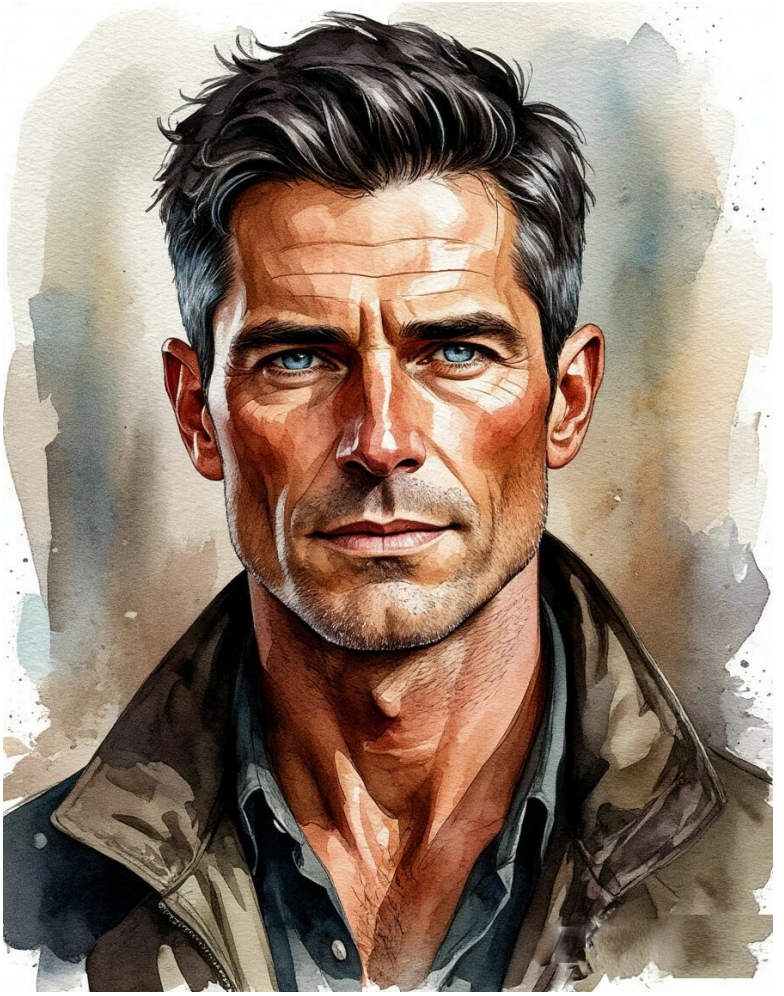
На грани чувств

Глава 1.

– Садись, подвезу! – возле Ирины затормозил чёрный «аутлендер». Ирина, пытавшаяся короткими перебежками добраться до дома под внезапно начавшимся дождём, обрадовалась случайной встрече. Пассажирская дверь распахнулась, и она плюхнулась на сиденье.

– Промокла? – улыбаясь, спросил Валентин. – Ну ничего, сейчас согреешься.

На вид ему можно было дать примерно лет сорок пять. Высокий, смуглая кожа, подтянутая фигура, тёмные коротко стриженные волосы. Серые глаза, правильной формы брови, прямой нос, твёрдый подбородок и чёткий овал лица. Не красавец с общепринятой точки зрения, но весьма харизматичный, уверенный в себе.

Валентин

В умных проницательных глазах вдруг промелькнуло чисто мальчишеское озорство, когда он оглядел её намокшие волосы, которые она взъерошила пальцами, став похожей на маленькую птичку, пытавшуюся высушить сырые пёрышки.

– Надо, пожалуй, тебя чаем отпоить, а то ещё простудишься, не май месяц на дворе-то, – продолжил он шутливым тоном, попеременно поглядывая то на неё, то на дорогу, – Поехали в кафе, дождик переждём.

– Ну, а почему бы и нет, – улыбнувшись, пожала плечами Ирина.

Он был одним из постоянных клиентов полиграфической фирмы, в которой Ирина работала уже довольно давно. С Борисом, владельцем фирмы, Валентин дружил ещё со студенческих лет.

Валентин всегда ей нравился как человек: специалист в своём деле, всегда чётко знает, что ему нужно, в отличие от некоторых других клиентов, которые капризно перебирали предложенные варианты, не зная толком, чего же хотят в итоге, и выматывая нервы менеджерам. Он не был высокомерным, любил между делом поболтать о том о сём, пошутить. Так что пообщаться с ним лишний раз было только в удовольствие. А в последнее время они по работе часто контактировали друг с другом, потому что теперь все заказы проходили непосредственно через неё (раньше этим за-

нимался другой человек).

...В машине было тепло, подмёрзшие ноги стали согреваться.

– Ну что, как там по срокам, укладываемся? А то мой клиент волнуется, задолбал уже, если честно, по сто раз на дню спрашивать, ну а мне приходится до тебя постоянно домогаться, ты уж извини! – со смехом проговорил Валентин.

У него был свой печатный салон, но кое-какие виды продукции он перезаказывал здесь, потому что так было выгодней, чем покупать ещё один вид оборудования. У них с Борисом был своего рода бартер.

– Да не о чем там переживать, времени ещё вагон, а делов-то! – она махнула рукой, как бы показывая, что не о чем беспокоиться.

– Да вот и вот-то! – поддакнул Валентин. – Но ты ж знаешь, некоторые заказчики такие суетные, что хоть вообще с ними не связывайся – всю плешь проедят!

– О да! И не говорите! – она всегда обращалась к нему на «вы», как и к другим заказчикам, хотя между ними была не такая уж большая разница в возрасте, ей недавно исполнился сорок один год. Но всё же так было привычней. А вот он сразу стал общаться без формальностей.

Валентин притормозил у небольшой кофейни, вышел из машины, открыл дверь и подал Ирине руку. Дождик вроде бы стал утихать, но на улице заметно похолодало.

Они торопливо прошли ко входу. У окна был свободный

столик. Они сели напротив друг друга. Ирина управляла намокшую одежду, Валентин молча смотрел на неё, подперев подбородок руками. Дождавшись, когда она подняла на него глаза, спросил:

– Ты что будешь? По кофейку или чай?

– Да, наверное, чай... облепиховый, если есть у них, – поразмыслив, ответила Ирина.

– А это мы сейчас узнаем.

Он деловито огляделся и поманил рукой официанта:

– Будьте добры..., – официант с готовностью встал у их столика, – облепиховый чай есть у вас?

– Да, конечно! – ответил официант.

– Отлично, тогда его давайте и ..., – он посмотрел в сторону барной стойки, над которой висела доска с меню, – ... и зелёный с жасмином.

– Может быть, что-то из десертов? – осведомился официант в надежде расширить заказ.

Валентин вопросительно взглянул на Ирину, но та отрицательно замотала головой, мол, ничего не надо.

– Давайте два чизкейка с карамелью.

Официант кивнул, записал в блокнотике и ушёл.

– Возражения не принимаются, – с улыбкой ответил на готовую сорваться протестующую реплику Валентин, – ты после работы, наверняка, с обеда ничего не ела, да и чего пустой чай пить, не обсуждается!

– Ну, уговаривать умеете! – Ирина широко улыбнулась.

– Ну а как же, уж кому как не тебе знать, что в нашем деле без этого никак! – он хитро прищурился.

Тут за окном внезапно раздался мощный раскат грома, и вмиг по козырьку крыши забарабанили крупные частые капли.

– Вот это погодка шепчет! Вовремя мы сюда зашли! – воскликнула Ирина.

– Да уж!

Она отошла на пару минут помыть руки и хотя бы взглянуть на себя в зеркало, оставив его на какое-то время наедине со своими мыслями.

А последние две недели он находился в каком-то сумбурном состоянии: он стал осознавать, что слишком часто его мысли обращаются к Ирине. По вечерам перебирал в голове их последние встречи и стал ловить себя на том, что ждёт с нетерпением следующую, что ему не хватает этого их, пусть и чисто делового, общения. Вплоть до того дошло, что он сам придумывал повод по работе, чтобы лишний раз ей позвонить, якобы узнать, как продвигается заказ, а на самом деле, просто чтобы услышать в трубке её голос.

Валентин сам от себя не ожидал, что его настолько будет тянуть к ней. И ведь осознал он это как-то совсем неожиданно. Вроде в сорок восемь лет уже ничего такого не ждёшь, а тут – на тебе! Он знал её по работе несколько лет, но до недавнего времени Ирина была просто одной из сотрудниц в компании, принадлежащей его другу Борису. Среднего ро-

ста, миловидная, длинные русые волосы ниже лопаток, светло-серые глаза, некрупные черты лица, всегда сдержанный неброский макияж: в общем, ничего сверхъестественного. Пожалуй, только с первой встречи запомнился её взгляд: прямой, в глаза собеседнику.

После развода с женой, который состоялся три года назад, Валентин зарёкся от каких бы то ни было серьёзных отношений. Развод был нервный, с кучей претензий друг к другу, усталости от бесконечных делёжек квартиры, машин и участка за городом. Слава Богу, сын уже вырос и не участвовал в их распрях. Он жил в другом городе и считал, что родители должны сами свои вопросы решать, не впутывая никого в свои отношения. Разводились долго, но по обоюдному желанию.

Через двадцать с лишним лет Валентин понял, что уже давно каждый из них не сильно интересуется жизнью другого, а какие-то бытовые неурядицы раздражают до такой степени, что всё оборачивается скандалом.

Жена тоже считала, что разойтись будет лучшим решением, но при этом квартира должна остаться ей. Привыкнув жить на широкую ногу, не отказывая себе практически ни в чём, да и к тому же не вникая в рутинные вопросы типа оплаты коммуналки, стоимости бытового ремонта, трат на страховку и обслуживания авто (Валентин занимался решением этих вопросов сам), она совершенно не желала теперь что-либо менять в своём образе жизни. Валентин не соглашался:

всё-таки квартира была куплена совместно, да и к слову сказать, жена давным-давно не работала, ещё с тех пор, как сын в школу пошёл. Через знакомых её пару раз устраивали на хорошие должности (образование у неё было соответствующее), но её вечно что-то не устраивало: то зарплата маловата, то работы слишком много, а она, мол, не девочка на побегушках, то коллектив не подходит.

А у него тогда пошёл в гору свой бизнес и появилась возможность наконец переехать со съёмной в свою весьма неплохую квартиру, в которую Валентин позже немало вложил. Поэтому, он решил, пускай лучше сыном занимается. Когда сын подрос, ситуация не изменилась, а вот его отношение ко всему этому окончательно испортилось. Они продолжали жить на одной территории, но словно соседи.

Жена постоянно находила повод для скандала, то подозревая его в изменах, то жалуясь на то, что она вечно должна торчать дома, присматривая за сыном, то ещё по какому-нибудь поводу. Хотя, Валентин ей честно не изменял, несмотря на усталость от их отношений, сын уже был вполне самостоятельным, и она частенько выгуливалась с подругами и ходила в салоны.

Конечно, имущество было совместно нажитым, и он считал, что нужно делить поровну. С машинами всё было просто – каждый остался при своей, дом за городом продали быстро и разделили деньги, а вот насчёт квартиры никак не выходило договориться из-за упорства жены. А то что ж получает-

ся: она остаётся там, а ему опять снимать? С чего бы? Он предложил размен, но жене не нравились никакие варианты, которые находил риэлтор. Он уже хотел было плюнуть на всё и просто продать квартиру и поделить деньги пополам, а там уже искать себе что-то, а она пусть как хочет, но сын остановил его.

А через пару дней жена сама позвонила и неожиданно согласилась на один из вариантов размена. Как выяснилось, сын всё же не удержался и решил вмешаться. Он позвонил матери и высказал ей, что, коль они разводятся, так пусть уж каждый начинает жить своей жизнью, а не портит нервы другому. Пусть оставит отца в покое и берёт предложенную квартиру. И вообще, лучше занялась бы поисками работы, поскольку содержать ее после развода отец не обязан, а до пенсии ей ещё как до луны.

Валентин и сам с трудом верил, что наконец-то все бумаги подписаны, и закончились эти несносные походы к юристам. Теперь вечером он с удовольствием приходил в свою пустую квартиру и наслаждался возможностью заниматься тем, чем ему нравилось. Никаких отношений сейчас он не хотел, нужно было дать себе передышку. Женщин он первое время подпускал к себе ровно настолько, насколько можно было отказать не обидев. Просто поболтать в компании, хорошо провести время, но никаких там встреч наедине, никаких постельных отношений – нужно было морально отдохнуть.

А вот это вот всё напрягало, не хотелось бросаться из огня да в полымя, при этом он был отнюдь не обделён женским вниманием, хотя бы даже среди сотрудниц своего офиса. Все знали, что он развёлся. Валентин всё же был достаточно привлекательным: мужественное лицо, прямой взгляд, статный, подтянутый. Он следил за собой, был в отличной форме, ходил в спортзал по два раза в неделю, в бассейн, периодически бегал по вечерам. Так что вполне мог фору дать тем, кто помоложе.

Самой большой бедой были корпоративы: он, как директор, не мог их пропустить, но старался организовать не стандартные пьянки-гулянки, а какие-нибудь интересные выезды, например, на картинг или пейнтбол, чтобы избежать всех этих пьяных разговоров и нечаянных сближений с коллегами женского пола.

Через несколько месяцев такой жизни Валентин решил, что, пожалуй, можно не довольствоваться больше одним флиртом. Но по-прежнему девушки появлялись, менялись, исчезали – он ограничивался всегда одной или двумя встречами. Он не пытался скрывать, что хочет просто провести время.

Конечно, находились и такие, кто считал, что уж она-то сможет заполучить этого мужчину себе, ведь такими не разбрасываются: и внешне очень даже ничего, и обеспеченный, и умный. А возраст не сильно смущал даже тех девушек, которым ещё не было и тридцати. Но Валентин только посме-

ивался про себя над этими откровенными попытками. Просто не хотелось себя обременять ничем: слишком давно он не жил просто для себя, просто так, как ему хочется. Работу свою он любил, дома теперь хватало времени, а главное, желания на то, до чего раньше не доходили руки. Так зачем было что-то менять? Но вот вышло иначе...

До недавнего времени Валентин относился к Ирине просто как к коллеге и как человеку, с которым приятно иметь дело. В какой момент всё переменялось, почему, что стало причиной перемены, – пожалуй, спроси его, он бы и сам не ответил. Вот как-то неожиданно для себя посмотрел на неё по-новому и увидел симпатичную молодую женщину с открытым взглядом, искренней улыбкой, всегда появлявшейся на её губах, когда он входил к ним в офис. Он любил с ней поговорить по телефону, потянуть время, потому что ему нравилось слушать её звонкий голос, с ней было легко общаться, у него всегда поднималось настроение после разговора с ней. Даже когда не ладилось что-то по работе, своим непринуждённым уверенным тоном она воодушевляла, и уже начинало казаться, что проблема не такая уж и серьёзная, что она решит всё как по щелчку.

Самое интересное, Валентин был отнюдь не романтиком по натуре, и теперь сам себе удивлялся. Обычно, если женщина ему нравилась, он прямо давал ей это понять, а тут почему-то стеснялся, и это в его-то почти пятьдесят! Да когда он последний раз влюблялся по-настоящему? Не так, чтоб

увлѣкся, получил, добился и отпустило, а так, чтобы в жар бросало, чтобы ночь не спать от мыслей, чтоб робеть при встрече? Он уже почти забыл, как это!

К своему огромному удивлению, он стал понимать, что влюбился. Вот как-то разом осознал, что это произошло. Он уже считал себя неспособным на такие чувства. В самом деле, что могло его сейчас удивить, чего он не знал и не испытывал в отношениях? Но, тем не менее, это произошло. Это было такое давно забытое ощущение откуда-то из юности, но точно оно. А вот что с этим делать, он как-то слабо представлял пока: слишком это было внове теперь после того, как он разочаровался в семейной жизни, не верил в настоящие, без потребительского мотива отношения, не желал впускать кого-то к себе в душу.

Ему не хотелось банального флирта, приглашения в кафешку или куда-то ещё, с продолжением у него дома. Нет, сейчас хотелось, чтобы она сама им заинтересовалась, чтобы вначале были какие-то долгие разговоры, прогулки. ("Вот уж действительно, на старости лет на романтизм пробил!" – усмехнулся он про себя).

Про неё он почти ничего не знал, на личные темы они особо не общались, только мельком.

Но тем не менее, он ведь вот взял и пригласил её сейчас на чай. Ну первое, что пришло в голову, а теперь уже чувствовал себя дураком: если он сейчас даст ей понять, что он к ней неравнодушен, как она это воспримет? Может, вообще

обидится или нет?

Он сидел, глядя в окно на дождь.

«Что-то я совсем уже! Сам на себя не похож стал! – он бросил быстрый взгляд на вход в зал – Ирины пока не было видно. – Сейчас брякну ей что-нибудь нелепое, мол, ты мне нравишься и всё в таком роде, и вот буду только дураком выглядеть! Да ну, бред полный, совсем уже, не хватало, чтоб она про меня не то подумала! Вообще, разве кто так делает с бухты-барахты! Нечего эмоциям поддаваться невовремя! – он встряхнул головой. – Нечего! – снова полезли в голову рассуждения: – Ну, пригласил на чай из вежливости – и всё, не надо заморачиваться! А то только отношения испортятся, и тогда совсем пиши пропало! Лучше у Борьки сначала между делом выпрошу про нее поподробнее, а там ясно будет, наваждение это у меня или действительно что-то дельное проснулось.»

И вновь нетерпеливый взгляд.

Вот с такими мыслями он сидел и ждал, когда Ирина вернётся из дамской комнаты, а она, в свою очередь, стоя в туалете перед зеркалом, ощущала какую-то нервозность.

«Вроде бы ничего такого, ну, подвёз человек, ну пригласил в кафе из вежливости! Да и вообще, чего накручивать себе, у него даже мысли нет таких, а ты, дура, уже навоображала!»

Тем не менее, он же ей нравился, хотя раньше она вот вообще не обращала внимания на него как на мужчину, а сей-

час почему-то его голос волнует, его глаза, светло-голубые в серых точках-пятнышках, как-то по-другому смотрят на неё, не так как раньше. Или это её воображение?

«Ох! – выдохнула она своему отражению. – Ведь как мы с Мишкой развелись, так я ни с кем толком и не встречалась, а ведь уже семь лет прошло, а я всё одна. Да меня в общем-то всё устраивало. А Валентин... В нём что-то такое, что вселяет чувство надежности, что-то такое по-настоящему мужское, сильное...»

Она отвернулась от зеркала и пошла обратно в зал.

Наконец, Ирина вернулась за столик, слегка улыбнулась. Тут как раз официант принёс заказанную еду. Она молча отпила несколько глотков чая и попробовала чизкейк.

– А неплохие тут десерты! – высказался Валентин, чтобы как-то нарушить молчание. – Я тут раньше только кофе пил.

– Да, вкусно, – согласилась Ирина, почему-то избегая смотреть ему прямо в глаза.

Вновь возникла пауза, но на сей раз спас звонок: звонил телефон у Ирины. Она засуетилась, пытаясь обнаружить его в сумке, и, как назло, никак не могла нащарить его рукой.

«Да, Дима... Нет, ещё не дома...», – Валентин невольно прислушивался, услышав мужское имя в разговоре, – Хоро-

шо, иди... Давай, пока.» – она убрала телефон обратно в сумку.

– Сын звонил, сказал, что сегодня с друзьями в гости идут к кому-то, придёт не скоро, – смущённо улыбнулась она, поясняя в ответ на, как ей показалось, вопросительный взгляд Валентина. Он понимающе усмехнулся:

– У меня тоже сын, правда взрослый совсем уже, – он был рад, что наконец нашлась общая тема для разговора.

– А сколько ему? – поинтересовалась Ирина, наконец взглянув на него.

– Двадцать шесть, живёт уже отдельно, как институт окончил.

– Квартиру снимает?

– Да нет, ему от бабушки досталась трёшка, сейчас с дочкой живёт вот уже стабильно полгода, – засмеялся Валентин, – а то так у него каждый месяц новая пассия была, не в меня, видать, – я уже в его возрасте его самого в сад водил, рано женился.

Конечно, приврал насчёт собственной ветрености по молодости, да и про то, что рано женился: отнюдь не потому ведь, что такой осознанностью в двадцать два года обладал, а просто так получилось.

– Ну, все же разные, тем более, сейчас они не торопятся семью заводить, как мне кажется. А меня, помню, бабушка страшила, что, если к окончанию универа замуж не выйду, то всё, останусь старой девой! – она впервые за вечер, кажется,

расслабилась и теперь искренне рассмеялась.

– Ну что ж, бабушка заботилась о светлом будущем своей внучки! – поддакнул Валентин.

– О да, весьма усердно! – Ирина, улыбаясь, покачала головой, отчего серёжки в ушах тихонько звякнули.

– А твоему сколько? Учится ещё? – поинтересовался он.

– Ага, второй курс политеха. Девятнадцать вот недавно исполнилось. Пока живёт вольной жизнью, девушки вроде водятся, но ни с кем толком не встречается.

– Ну, какие его годы! Ему как раз ещё гулять да гулять, не торопись в бабушки-то! – подколот он её.

– Типун вам на язык, я к такому повороту не готова, не-не-не! – она звонко расхохоталась.

Он сидел и любовался каждой чёрточкой её лица, словно стараясь зарисовать их в памяти: чуть приподнятая бровь, когда она ждёт ответа на свой вопрос, немного смешно морщит нос, слегка прикусывает губу... Вроде ничего особенного, всего лишь мелочи, но такие важные мелочи...

Вечер незаметно прошёл за лёгкой беседой. Ни о чём особо не откровенничая, они поговорили понемногу обо всём и оба вышли из кафе в хорошем настроении.

– Тебя до дома подбросить? – Валентин постарался, чтобы его голос звучал как можно непринуждённой. Очень не хотелось расставаться прямо сейчас, ещё чуть-чуть продлить бы эти мгновения...

– Да мне тут пешком идти нет ничего, прогуляюсь, дождь

вроде закончился, так что вечерняя прогулка не повредит.

– Ну, тогда до завтра, зайду к вам в офис по поводу наших «любимых» баранов, – ответил Валентин, улыбаясь.

– До завтра! – она махнула рукой на прощание и пошла неспеша по вечерней улице, блестящей после дождя в свете уличных фонарей. Глухо постукивая каблуками по тротуарной плитке, Ирина уходила всё дальше и дальше, растворяясь в толпе таких же прохожих, возвращающихся с работы домой, ждущих на автобусной остановке, перебежавших через пешеходный переход... И вместе с ней растворялась та атмосфера, которая окутывала их до тех пор, пока они не оборвали этот момент.

– До завтра..., – с лёгким сожалением повторил Валентин: уж как-то больно банально вечер закончился.

Он медленно побрёл к машине, смотря под ноги на свое расплывчатое отражение в лужах, перемежающееся с желтоватыми бликами фар от проезжающих машин, отсветом неподвижных фонарей и разноцветных, но бездушных неоновых огоньков рекламных вывесок. Как-то машинально ощутилось кожей промозглое дуновение почти неслышного ветра. Валентин невольно поёжился и застегнул куртку.

Дойдя до машины, он остановился, взглянул наверх в хмурое, тёмное, сине-серое небо. Где-то высоко наверху проплывали маленькие рваные тучки, перекрывая слабо тускневшую луну. Он простоял так, задумавшись, несколько минут, звуки почему-то стали глуше, словно отдалённый моно-

тонный гомон.

Вдруг резко это замедленную тишину пронзила сирена несущейся куда-то вдоль улицы пожарной машины. Валентин вздрогнул, очнувшись от раздумья, пикнув сигналкой, открыл машину и залез внутрь. Включив зажигание, он вздохнул и сказал самому себе: «Решил – так давай, не дрейфь! А то сидишь тут, философствуешь! Завтра надо к Борьке заехать и уговорить его взять Ирину в командировку. Борька, боюсь, догадываться начал. Ну и что теперь, не так уж часто я его о чём-то прошу, в конце концов! Ладно, погнали до дома!»

Он нажал на газ и, врубив погромче музыку, рванул по уже почти пустой улице, которая, словно подслушав его мысли, дала ему на всех светофорах зелёный свет.

Глава 2.

Борис и Валентин были друзьями с института. Схожие по характеру, они быстро нашли общий язык. В то время Валентин жил в общежитии, а Борис снимал комнату у одной бабушки. Вечером частенько в общежитии собирались компании, Борис тоже стал завсегдатаем. Там же он, кстати, встретился со своей будущей женой.

А Валентина редко затягивали отношения дольше, чем на пару-тройку месяцев. Ему быстро наскучивало, едва только он понимал, что девчонка влюбилась по уши и готова за ним хвостиком ходить: у него пропадал интерес, и он переключался на следующую недостижимую. Влюбляться по-настоящему ему не доводилось в тот период, и он посмеивался над Борисом, которому приглянулась одна девушка, и они всерьёз стали встречаться. Борис счастливый бежал на свидание и, забросив привычную компанию, старался проводить всё время с ней.

Он тогда мало был похож на себя теперешнего: солидного мужчину среднего роста, плотного телосложения, в неизменном деловом костюме и при галстукe, с тёмными густыми волосами, тронутыми сединой, и очками в тонкой золотистой оправе, прочно сидевшими на переносице. Серьёзный взгляд, строгость в голосе, неторопливость и важность походки стали его неизменными чертами. Пожалуй, из ны-

нешнего окружения только жена и Валентин помнили его таким, каким он был тогда: смешливым, озорным худощавым студентом, отлично играющим на гитаре. Тогда Валентин подтрунивал над тем, как он торчит под окнами своей Анечки, когда она поначалу не воспринимала его ухаживания всерьёз.

И вот солидный теперешний Борис Сергеевич шёл к своей машине, вспоминая моменты их общей юности и удивляясь своему другу, точнее, той перемене в нём, которую он недавно подметил. Не было раньше такого, чтобы Валентин побаивался пофлиртовать с понравившейся женщиной. А тут даже и не про флирт речь: Борис сразу догадался, что друг влюбился. Причём, ладно бы он Ирину недавно увидел, а то ведь они работали вместе уже несколько лет, и до этого Валентин относился к ней чисто по-деловому! «Забавная штука жизнь! – подумалось ему. – Вот ведь как может повернуть!»

Борис и Аня

Придя домой, он помыл руки, переоделся, заглянул в комнату к дочери. Сын был ещё на работе, жена заканчивала приготовление ужина. Борис зашёл в кухню, потянул носом: из духовки шёл какой-то пряный аромат, и присел на табу-

ретку, задумчиво поглядывая на жену, которая помешивала соус в сотейнике.

– Борь, о чём задумался? – Анна, темноволосая приятная женщина с пронизательными глазами повернулась к мужу.

– А? – отозвался он. – Да так, Валька сегодня заезжал, о нашей командировке напомнил.

– Ну и? Что-то изменилось? – она попробовала соус на вкус, прищипнула языком – явно чего-то не хватало.

– Да нет, – Борис снял очки, повертел их в руках, потом надел обратно, – тут, знаешь, интересные вещи такие происходят...

Анна огляделась в поисках баночки с приправой:

– Рассказывай давай!

– Ты знаешь, Валька у нас всегда девок менял как перчатки, да и они сами на него всегда вешались...

– И? К чему ведёшь? – обернувшись, нетерпеливо спросила жена, забыв на мгновение, что искала.

– К тому, что он в Иринку влюбился! – выпалил Борис.

– Да ну? – она приподняла бровь от удивления. – В нашу Иринку?

– Ну в какую ж ещё, по-твоему! – засмеялся Борис.

– Да они ж давно знакомы, и ничего такого вроде я за ним не замечала...

– Да вот! – Борис развёл руками. – Он попросил взять её с собой в командировку, стал плести, мол, ей полезно опыта набраться для работы и так далее! Но я же вижу по нему, что

дело не в этом! То он как бы невзначай спрашивал, замужем она или нет, то ещё какие-нибудь мелочи пытался узнать. Да тут даже не столько в этом дело: он в офис к нам теперь почти каждый день приезжает! То ему одно надо, то другое, что можно запросто по телефону выяснить! Ну так нет! Вот стоит, со мной разговаривает, а сам на неё поглядывает, потом раз – резко отвернётся, если она вдруг на него в ответ глянет, схватит со стола фигню какую-нибудь и давай в руках крутить! Или ручкой выводит по бумажке закорючки всякие. Ну, нервничает, короче, а подходить не пытается, прям иногда ощущение, что он теряется при встрече с ней! А иногда, наоборот, болтает с ней обо всём подряд, мол, заказ обсудить приехал, а на самом деле очередной повод нашёл. Как мальчишка, в самом деле!

– Валька-то и смущается? Да ладно! – воскликнула Анна.
– Чёрт! – она случайно выронила ложку, и та упала на пол, разбрызгав соус.

– Ну а я тебе о чём толкую? Как подменили человека! Ни разу не видел его таким, он даже когда с Олеськой своей встречался, не было у него этого! Так, увлёкся, не более.

– Ну, с Леськой-то понятно, она ж просто очередная была сначала, если бы она не залетела, он бы и не женился никогда на ней! – заявила авторитетно Анна. Недостающая приправа нашлась в шкафу, и она снова колдовала над соусом.

– Но всё-таки двадцать с лишним лет прожили! – возразил Борис.

– Ну, мало ли, сколько лет, вопрос, как! – глубокомысленно ответила она, – Нет, я ничего не хочу сказать, он, как муж, всегда к ней хорошо относился, с сыном помогал ей, не нуждалась она ни в чём. Но у неё большой любви к нему не было, ей, скорее, льстило, что она его себе заполучила, а другие девчонки с носом остались! Он же тогда у нас первый парень на деревне был, с ним почти любая мечтала встречаться!

– Это да...

– Мне кажется, как Игорь в школу пошёл, они могли бы спокойно разойтись и быть каждый сам по себе, так, для виду сохраняли семью, пока Игорь вырастет, ну, и у него вроде как ответственность была, он же у нас принципиальный и когда надо, и когда не надо. Валька же ничем никогда не показывал, что ему это в тягость! А Олеська, чего уж там, просто хорошо устроилась: ей всё было удобно, только и всего!

– Да так и есть, – подтвердил Борис. – И после развода ему прямо в кайф одному было.

– А что ты хочешь? Вырвался на свободу, а то забыл уже, как это – просто для-ради самого себя жить! – она немного помолчала, потом проговорила: – Знаешь, может, именно сейчас ему вот это понадобилось...

– Что? – не сразу угадал супруг.

– Ну, ощутить это... влюбиться осознанно, понимая, что в тебе просыпается. Ведь, чем старше, тем тяжелее идти на поводу у чувств: слишком мешает рассудок. В молодости головой-то особо не думаешь, просто кидаешься в ощущения,

как в омут...

– А почему Иринка? – задумался Борис.

– Да кто ж тебе скажет почему? – пожалала плечами жена. –

Ну, не бывает разве, что люди знают друг друга давно, а тут – раз и увидел, как будто впервые, вот и щёлкнуло что-то!

– Хочешь сказать, пусть попробует?

Анна улыбнулась:

– Ну, каждый человек имеет право на счастье, как это ни банально звучит, просто вот у него оно, может, такое, запоздалое, а не как у нас с тобой!

Она подошла к мужу, обняла его за плечи и шутливо чмокнула в нос.

– Иринке только не намекай, пусть сами разберутся! – посоветовала она.

– Да ладно, зачем? Пусть разок в жизни человек помучится! – засмеялся Борис. – А то всё надо мной подшучивал, когда я поначалу страдал, что ты меня всерьёз не воспринимаешь, а теперь сам влип!

– Ох, поди ж ты, вспомнил! – засмеялась Анна, взъерошив ему волосы.

Глава 3.

Стоял конец августа, погода не сильно баловала: то приободрит внезапным дождём, то снова солнце обжигает жаркими лучами. Они выехали рано утром, пока ещё не было пробок. Навигатор показывал, что в дороге им предстоит провести часов шесть. Утро выдалось пасмурным, мелкий морозящий дождичек оставлял прозрачные точки-капельки на лобовом стекле. Ирина была еще в полудремотном состоянии – в такую погоду тяжело было взбодриться. На выезде из города они с Борисом взяли по кофе в супермаркете, и теперь она потягивала его неспешно вроде бы как смотря на мелькавший за окном пейзаж, наполовину размазанный дождём, а на самом деле погружённая в свои мысли.

Ирина

Борис следил за дорогой: она была петляющей, узкой, периодически из-за поворотов, аккуратно вытягивая прицеп, выезжали фуры, обдавая из луж его машину. Дворники ре-

шительно работали, разметая эти то мелкие, то становившиеся более сильными, капли. Он включил магнитолау, радио ловило плохо, автоподстройка то и дело пыталась найти сигнал. Он ругнулся и вставил флешку: из динамиков зазвучала неспешная музыка Людовико Эйнауди.

«Иринк, ты если хочешь, можешь подремать, нам ещё ехать и ехать», – повернулся к ней Борис. Она кивнула и улыбнулась в ответ, вновь вернувшись к своим размышлениям.

Вчера в офис приезжала Аня, жена Бориса. Они поболтали, обсудили последние новости, Ирина рассказала, как Димка, сын, гостил на даче у отца.

После развода прошло семь лет, и теперь они с Михаилом вполне мирно общались. А вот первое время Ирине тяжело давались разговоры о бывшем муже: она еще любила его, хоть и отпустила к другой женщине. Это уже потом, пару лет спустя, отношения наладились. Михаил часто виделся с сыном, который тоже стал нормально воспринимать то, что у отца теперь другая семья. Поначалу он очень остро на всё реагировал, дерзил отцу, отказывался с ним общаться. В школе скатился по оценкам, ему ничего не хотелось, он запирался в своей комнате и рубился в игры на компьютере. Ирине стоило немалых трудов пробиться сквозь стену отчуждения, которая между ними возникла в тот период. С Димкой тогда было сложно: начался подростковый возраст, а тут ещё отец ушёл от них, и Димка считал, что он их предал.

Но зато это отвлекло Ирину от собственных переживаний: ей было больше дело до сына, чем до себя.

Аня помнила тот день, когда Ирина попросила её встретиться в парке: уже по лицу было понятно, что случилось что-то нехорошее. Аня знала Ирину давно, они работали одно время вместе, а потом уже она её переманила к Борису, когда у него уволилась сотрудница. Они сильно сдружились, сейчас, пожалуй, Аня была единственной настолько близкой подругой, которой Ирина могла довериться. Она рассказала, что произошло между ней и мужем накануне.

Михаил приехал с дачи и, пока сын гулял на улице с друзьями, усадил Ирину на кухне для разговора.

Сначала она смотрела на него, не понимая: неужели он и в самом деле это говорит? Неужели всерьёз он, Мишка, её первая любовь, с которым они с её десятого класса вместе, – он сейчас говорит, что им надо разойтись, что у него давно другая? Какая-то Женя... Что за Женя, откуда она успела взяться? Сколько уже времени она присутствует в их жизни? А она ничего не замечала... Как же так: ведь он приходил домой после работы, они вместе после ужина сидели в обнимку на диване и смотрели сериал, им было так уютно вдвоём, так хорошо... Что же это? Получается, точно так же он смеялся и обнимался с другой? Почему такое странное состояние? Как отупение, даже не больно... пока...

А потом эти его слова:

– Ирин, я не хотел тебя обманывать! Пойми, так получи-

лось! Просто... просто я люблю её... понимаешь?

Ирина не смогла ничего сказать в ответ, кроме как:

– А как же я? Как же мы с Димой? Ты же нас тоже любил!

Михаил что-то говорил ей про то, что он по-прежнему тепло к ней относится, она же мать его сына, он всегда будет ей хотя бы за одно только это благодарен и сына никогда не бросит, но Ирина его как будто не слышала. Слова, произносимые таким родным Мишкиным голосом как будто звучали сквозь толстое стекло – глухо и неразборчиво.

Прошло несколько минут, прежде чем она смогла заставить себя вслушиваться, а потом надо было заставить себя спокойно ответить ему, что, мол, да, я тебя понимаю, мы взрослые люди, такова жизнь. И ни в коем случае не позволить этому комку, душившему её, подняться, разрастись и выплеснуться слезами. Только не сейчас, пусть он уйдёт, ещё чуть-чуть потерпеть, а потом уже можно, только чтобы сын не увидел. Она сжала под столом пальцы так, что стало больно, вздохнула и подняла на него глаза с вопросом:

– Диме когда скажем, что мы разводимся? Ты сам подашь на развод или как?

Михаил вдруг как-то странно посмотрел на неё: жёсткий, холодный взгляд серых глаз, ставших какого-то стального оттенка. И совсем не её, Иринкин, голос, а чужой, отчеканивающий каждое слово со всё нарастающим металлическим звучанием.

– Ирин? – тихо окликнул он.

– Я задала вопрос, по-моему! – голос продолжал неприятно разделять каждое слово. Михаил как-то сразу растерялся: он никогда не видел жену такой, не думал, что всегда мило улыбающаяся Иришка может вот так вот – р-раз и обдать холодом, как резко ворвавшийся ледяной воздух из распахнутой настежь двери на морозную улицу.

Он промямлил в ответ:

– Я сам, не беспокойся, я всё улажу, родителям тоже сам

скажу. С Димкой... с Димкой вместе поговорим, скажи, сегодня я на даче остался, пока так пусть...

– Прекрасно, сам – значит сам! Когда заберёшь вещи?

– Завтра, наверно...

– Отлично! Всё, уходи, мне надо отдохнуть.

– Ир! – начал было он.

– Всё, иди!

Он взглянул на неё, тяжело вздохнул и молча пошёл к входной двери.

А на следующий день в парке Аня слушала и слушала, как сквозь наконец прорвавшиеся слёзы Ирина выплёскивает всё то, что не смогла больше никому рассказать, потому что сын пока не знает, потому что днём надо быть на работе.

– Ань, мы ж с ним с каких лет вместе всегда и везде! Мы даже, представляешь говорили, что возможно... ещё ребёнка родим, – Ирина прерывисто вздохнула и всхлипнула. – А у него Женя эта...

– Иришь, пореви, выговорись, ну, сложилось так, ну бывает! Больно, плохо, но теперь-то чего уж. Наверное, ты чего-то в своё время не заметила, а он взял и влюбился! У них, мужиков, в этом возрасте всякое бывает!

– У Бориса у твоего вот не бывает!

– Ну, Борька другого склада! – отмахнулась она. – Ириш, давай посмотрим на это с другой стороны: ты теперь стала сама себе хозяйкой! Нет, понятно, – Аня жестом остановила возражение: сын – это святое, но, коль Мишка собирается

принять непосредственное участие, вот и пусть парень с ним периодически время проводит, а тебе тоже отдыхать надо! Когда ты в последнее время делала что-то для себя, вспомни?

Ирина пожала плечами.

– Вот, а надо себя любить! Поняла? Вот поревела, излила душу, а теперь собрала себя в кучку – и вперёд, радоваться жизни!

– Я ещё даже не развелась! – возразила Ирина.

– А как это мешает? Я ж тебе не про то, что мужика себе поискать надо, это дело десятое, надо будет, сам найдётся! Я про то, чтобы ты наконец на себя со стороны посмотрела! Вызvoli себя из этого извечного круга: дом, готовка, уборка, уроки с сыном, вечер с мужем! Займись тем, чем хочется, тем, чем давно хотела заняться, но всё времени не хватало! Ну, согласна со мной?

Аня, всегда решительная, знающая, чего хочет, с её извечно задорной короткой стрижкой, так уверенно и оптимистично всё говорила, что Ирина невольно улыбнулась и даже реветь расхотелось.

– С такой подругой, как ты, никогда в депрессию не скатишься, тебе в психологи надо податься! – сказала она, вытирая слёзы ладонью и невольно улыбаясь.

– Ой, я тебя умоляю! Просто я трезво всегда смотрела на вещи! – отмахнулась от комплимента Аня.

Да, поначалу тяжело было себя растормошить, ноча-

ми тоскливо было до жути, она жалела себя, иногда даже ревела, а потом постепенно начало отпускать. Полтора года у них обоих с сыном ушло на то, чтобы отпустить обиду.

Михаил женился вновь, у них в семье ожидалось прибавление. Сперва было сложно относиться к его новой жене без ненависти, без предубеждения, но она дала себе слово, что не будет впутывать сына и делать его предметом делёжки: пусть сам решит, а уж дело Михаила – это найти подход.

А потом Димка как-то подошёл к ней, сел рядом на корточки и задумчиво посмотрел.

– Ты чего, Дим? – спросила тихо Ирина.

– Мам, а маленькие дети – это хорошо?

– Хорошо, а почему ты спрашиваешь?

– У меня, получается, теперь будет сестрёнка...

– Да ты что? Правда? – Ирина, конечно, понимала, что Женя моложе неё и, конечно, захочет детей, но всё равно, неожиданно было.

– Ага, уже скоро... Женя спросила, как назвать её лучше: Мариной или Наташей...

– А ты как хотел бы?

– Не знаю, мне Настя нравится, но вдруг им не понравится? – пожал плечами Димка. – А это ничего, что я потом буду приходиться к ним и с сестрёнкой общаться? Я всегда хотел, чтобы кто-то был у меня, сестра или брат, неважно, ты не обидишься? – Дима так серьёзно на неё посмотрел, что Ирина спрятала уже готовую появиться на губах улыбку, и

так же серьёзно ответила.

– Дим, если ты сам хочешь, почему я должна обижаться? Это даже здорово, у тебя будет родной человек...

– А Женя... мама, она, – он как бы оправдывался, что ли, – она хорошая, она... с ней здорово...

Ирина вздохнула, почувствовав какую-то ревность:

– Ну, Дим, я же тебе говорила, что сам потом разберёшься, что к чему, я не обижаюсь, знаешь, мало у кого так отношения складываются. У многих отцы вообще перестают со своими детьми общаться в таких ситуациях, а папа с тобой много времени проводит, да и Женя, как видишь, к тебе хорошо относится, – ну, конечно, не так просто было говорить это всё со спокойным видом, но так надо было. Надо было отогнать от себя мысли, что это могло быть в её жизни, сложись всё иначе.

– Да в самом деле, у Витьки, вон, отец вообще последний раз два года назад звонил, с ДР поздравил и всё, – согласился сын.

– Ну и так бывает.

– Мама, а давай я тебя с Женей познакомлю? – вдруг предложил Димка.

– А надо? – от неожиданности она даже не нашлась, что ответить. – Ну мы же с ней и так знакомы? – на самом деле, она видела её несколько раз и почти не разговаривала.

Жене было тридцать два. Невысокая, пухленькая и весьма симпатичная, с немного растерянным взглядом, словно

извиняющимся. А может, и вправду ей было жаль, что она стала причиной их с Михаилом расставания. Почему-то она не вызвала у Ирины антипатии, хотя, наверно, должна была, по идее.

– Ну, по-настоящему, я имею в виду! Она тебе тоже понравится, мне кажется.

Да, теперь они общаются и с Мишей, и с Женей, иногда даже вместе куда-то выбирают. Но это стало реальным, когда Ирина поняла, что чувства наконец ушли, перестали мучить, свербить ревностью, и остались просто воспоминанием. Нет, она по-прежнему была одна, она не пыталась искать замену, но с Женей теперь ей нечего было делить. У них с Мишей росла дочка, ей уже было почти пять. Димка с удовольствием возился с ней, гордо водил за ручку по улице и в парке, хоть и стал уже совсем взрослым.

Дождик моросил и моросил, но Валентин не мог усидеть дома, он бродил по городу, думая о завтрашнем дне. Завтра они должны были приехать, он не видел Ирину уже несколько дней.

«Главное, идея с командировкой не пропала даром, Борис согласился, ну, а дальше уже самому надо постараться, потому что когда представится потом ещё такая возможность, сейчас вроде бы всё идет своим чередом, естественно, не

выглядит надуманным. Надо, чтобы не выглядело...» – размышлял он, слоняясь по улицам, пытаясь развеяться, потому что ожидание начинало изматывать, а до приезда Ирины было ещё больше полсуток.

Нижний Новгород был родным городом Валентина, он там вырос, там жил сейчас его сын в старой родительской квартире в Почаинском овраге.

Он хотел провести Ирину по любимым улицам, прогуляться вечером по Рождественской, посмотреть вместе с ней на ночную Волгу. И проводить потом до дверей номера, просто пожелав «спокойной ночи», без каких-то там намёков, а потом прийти к себе и постоять на балконе, вспоминая каждую деталь этого дня, её улыбку, искренний интерес, звонкий смех в ответ на его шутку... А утром будто бы случайно столкнуться в дверях и пригласить попить кофе в городе в уличном кафе...

А, может, и не так, неважно, просто такая маленькая картинка-мечта возникла в голове...

Глава 4.

Валентин договорился встретить Бориса на стоянке у гипермаркета, который находился недалеко от въезда в город. Он сидел в машине, ожидая звонка. Гостиница, которую они забронировали, располагалась в историческом центре, как и просил Борис. Валентин должен был их встретить и проводить туда.

С трудом сдерживая нетерпение, он время от времени поглядывал на экран телефона.

...Впервые они будут находиться в неформальной обстановке, ну, не считая того дождливого вечера, когда он её подвёз... Не виделись всего-ничего, а он уже не мог дождаться новой встречи.

Его мысли прервал звонок: на дисплее высветился номер друга.

– Да, слушаю, Борь... Заезжай сюда на парковку, я прямо слева от входа стою, видишь?

«Лэнд Крузер» Бориса проехал между рядами других машин и встал напротив него. На переднем сиденье Валентин заметил Ирину, улыбнулся сам себе, опустив голову, так, чтобы никто не видел, что он слегка нервничает, вздохнул поглубже – помогло, а потом вышел им навстречу.

– Здорово! – он пожал Борису руку. – Погодка отвратительная сегодня, конечно.

– Да уж! Прохладно, промозгло! – поморщился тот. – Как-то дождик этот достал уже! – поддакнул Борис, доставая из пачки сигарету.

Валентин махнул рукой Ирине, она тепло улыбнулась в ответ и потянулась в кресле. Вылезать на улицу в дождик не хотелось, она так хорошо пригрелась в машине. Она опустила стекло:

– Привет!

– Привет, Ирин, как добрались, нормально всё? – спросил он, тепло смотря ей в глаза.

Её лицо озарила непроизвольная улыбка в ответ на его взгляд, и он почувствовал: ждала, она тоже ждала!

– Так-то дорога, не загруженная особо, но с этим дождём фуры ползут еле-еле, до Касимова долго плелись, потом уже веселее пошло, – рассказала она.

– Ну, это как обычно, – вздохнул понимающе он. Потом скривился от запаха сигаретного дыма – рядом Борис затянулся с видимым наслаждением.

Он когда-то сам курил, ну, не то чтобы прям зависимость была, так, скорее, больше за компанию, но уже лет семь, наверно, вообще не притрагивался. Не хотелось. Не тянуло. А вот как пахнут современные сигареты, он терпеть не мог: уж точно не табаком. Вот этот противный запах чего-то химозного отвращал напрочь. Единственное исключение – сигареты-самокрутки, которые иногда делал себе Борис, заказывая табак вразвес. Вот они пахли шикарно, – терпко и ароматно,

как раньше отцовские, которые он таскал в юности втихаря, чтобы попонтоваться перед приятелями.

– Борь, когда курить уже бросишь? Не надоело?

– Ой, ну не начинай! – поморщился Борис. – Я и так дозу снизил, да и сегодня только на заправке покурил, уж часа три с половиной назад!

– Вредный ты и упёртый! – беззлобно констатировал Валентин. – Эх, надеюсь, к вечеру разгуляется., – перевёл он разговор на другую тему, посматривая вверх на одинокие клочки голубого неба, почти полностью скрытого низкими, стелющимися по-над крышами домов, тучами. – Сейчас разместимся, потом поедем на презентацию, как раз всё успеваем, – по-деловому резюмировал он.

– Годится, – кивнул Борис.

Презентация длилась примерно до четырех дня. После, выйдя из конференц-зала, перегруженные кучей новой информации, они решили пойти проветриться и поесть где-нибудь в городе, а потом Валентин обещал их провести по разным улочкам, разумеется, сходить в кремль, а вечером прогуляться по набережной и по Рождественской улице.

Около одиннадцати, уже уставшие за долгий день, но довольные, потому что впечатлений было масса, они, размеренным шагом поднимаясь вверх по уклону, возвращались в гостиницу.

– Спасибо вам, что показали город, я так давно мечтала сюда съездить, а тут как раз командировка нарисовалась!

Правда, горки тут те ещё: всё время вверх-вниз, но красиво! – восхищённо протянула Ирина, повернувшись к Валентину. Её восторженный взгляд подтверждал сказанное.

– Да не за что, всегда пожалуйста! – улыбнулся в ответ он. – Ирин, а давай со мной всё же на ты? – предложил осторожно Валентин. – Наши с тобой рабочие отношения длятся уже бог знает сколько, а ты мне всё выкаешь, а?

– Да в самом деле, Ир, к чему такой официоз? – поддержал Борис.

Валентин заметил, как она чуть покраснела, взглянув на него.

– Ну хорошо, я больше не буду, – она решительно выдохнула и кивнула головой, – буду по-простому, раз никто не возражает!

– Ну, наконец-то! – воскликнул Валентин.

– Ладно, девочки-мальчики, пора баиньки, – прервал их Борис, – а то мы с Иришкой встали ни свет ни заря. Я, если честно, уже засыпать начинаю на ходу, – произнёс он, позёвывая.

– Да, пора по норам, но завтра вечером будет вторая часть Мерлезонского балета, так что готовьтесь! – шутливо пригрозил Валентин, смотря при этом только на Ирину. – Мы далеко не всё обошли, вас ещё ждёт подъём по лестнице на пятьсот с лишним ступенек!

– А может, лучше спуск? – умоляюще попросил Борис. – Иринка права: горки тут – я сегодня находился будь здоров!

– Не, не отвертись! – рассмеялся Валентин.

– Вот ты фанат физкультуры!

– Не без этого, Борь, сам знаешь: в здоровом теле здоровый дух! – философски подытожил он.

Они разошлись по номерам. Борис сразу же уснул, устав за день после дороги, а Валентин, наоборот, не мог заставить себя усидеть на месте и ходил по номеру, разговаривая сам с собой: «Завтра вечером надо сделать так, чтобы мы пошли на прогулку вдвоём. Придётся Борьке признаваться, иначе как я ему объясню то, что он должен завтра провести вечер в одиночестве? Начнёт издеваться ведь, сто процентов! – усмехнулся Валентин про себя. – Ещё, пожалуй, припомнит, как я в юности над ним подшучивал по этому поводу... А вдруг она не захочет вдвоём идти? – внезапно подумалось ему. – А потом сам себя успокоил: Да ну, с чего бы! Главное, быть самим собой, а не пытаться изображать из себя кого-то! Основное дело сделано: она сюда приехала и даже теперь на "тым со мной разговаривает!» – он многозначительно кивнул своему отражению в длинном зеркале шкафа-купе и отражение ответило тем же.

Утро опять прошло на презентации. Борис заключил пару договоров на поставку новых видов плёнок под интерьерную печать и чернил для струйника, Ирина пересмотрела и при-

метила образцы дизайнерской бумаги, которую предложили взамен ушедшего с российского рынка импортного аналога. Так что, в общем и целом, деловая часть командировки прошла весьма плодотворно. Теперь можно было себе позволить с чистой совестью пойти на обед.

Позже Ирина пошла к себе в номер, а Борис отозвал Валентина в сторону:

– Валь, я тут подумал, я вечером, наверное, не пойду никуда, лучше отдохну, а то завтра в обратную сторону за рулём опять ехать.

Валентин с сомнением посмотрел на друга:

– Ты действительно не хочешь пойти? – а сам только и думал о том, что Борис очень кстати это предложил.

– Валь, ну нафига я вам там нужен? – как бы с намёком произнёс он.

– Ты к чему клонишь-то? – со смехом ответил Валентин вопросом на вопрос.

– К тому! – Борис чуть наклонил голову и посмотрел на друга с понимающей улыбкой. – У тебя на морде лица всё написано, чего тут притворяться? Тебе этого хочется? Так пусть будет! Валь, я, заметь, без всякой иронии, честно!

– Спасибо, Борь, за понимание, я уж думал, скажешь, что седина в бороду!

– Да ничего я не скажу в этот раз, поскольку вижу, что ты серьёзно вляпался! – хлопнул он его по плечу, усмехаясь.

– Да ну тебя!

– Иди давай, готовься морально!

Они договорились вечером встретиться в холле гостиницы. Валентин уже ждал внизу, нетерпеливо поглядывая в сторону лестницы. Ирина быстрым лёгким шагом спускалась вниз: светло-голубые джинсы, белая, простого кроя рубашка с длинным рукавом, завязанная небрежным узлом на талии, под ней белый топ, на шее – простая цепочка под серебро, волосы свободно рассыпаны по плечам, на ногах белые кеды. Худенькая, миниатюрная, она была похожа на студентку и совсем не выглядела на свой возраст.

– А Боря где? – недоумённо спросила Ирина, подходя к нему.

– А он, представь себе, отказался идти с нами, сейчас зашёл к нему, говорит, решил отдохнуть перед завтрашней дорогой. Отпускает нас вдвоём! – почти не соврал Валентин. Видно было, что она немного растерялась сначала.

– Ирин, ну не говори только, что ты тоже не передумала! – воскликнул он почти обиженно.

– Да нет, нет, пойдём, я не собираюсь сидеть в гостинице и упустить шанс погулять ещё разок по вечернему городу! – она улыбнулась, быстро подняла на него глаза и снова отвела взгляд, немного смутившись.

– Тогда вперёд! – скомандовал Валентин.

Они вышли из гостиницы и пошли подниматься наверх по тротуару, через сквер, в сторону Большой Покровской улицы.

Было ещё совсем светло, погода наконец перестала терроризировать противным дождем, хотя ещё утром грозила испортить вечер. Повсюду блестели лужи, но на улице было хорошо. По бордюрам и мокрым дорожкам сквера то тут, то там ползли неторопливые виноградные улитки, даже не подозревая, что рискуют быть раздавленными чьим-то ботинком.

Предзакатное солнце окутывало тёплым светом, ветра почти не было, они брели неспешно по булыжной мостовой. В уличных кафе было уже довольно много народу, зажигались потихоньку вывески.

– Давай в сувенирку зайдём, я обещала сыну магнитик какой-нибудь притащить, – предложила она.

– Давай.

Валентин повёл её в один магазин, и, пока Ирина исследовала витрины, он подумал, а не поужинать ли им сейчас где-нибудь. Честно, есть хотелось, было уже почти семь.

– Ирин, а ты как относишься к кавказской кухне? – спросил он, когда они вышли обратно на улицу.

– Очень даже люблю! А что?

– Ну, тогда приглашаю оценить её изыски во-он в том ресторанчике, – он показал рукой на веранду со столиками у угла следующего здания. Там неплохое место, и, надеюсь, ещё не всё занято. Считай, это часть нашей культурной программы.

Сейчас она почему-то не чувствовала неловкости, хотя

они и были всего второй раз в жизни наедине. Но именно сегодня у неё было такое ощущение, что она знает его давно-давно, и они вот так совсем не впервые проводят время вдвоём. Ей было хорошо рядом с ним, спокойно. Она чувствовала, что он не из вежливости предложил прогулку, а потому что тоже что-то подобное испытывал сейчас.

Места в кафе были, и они решили посидеть на уличной веранде. За ужином они разговорились. Валентин серьёзно посмотрел на неё и попросил:

– Слушай, а расскажи о себе что-нибудь!

– А что ты хочешь узнать? – она покачивала в руке бокал с вином на тонкой ножке и заинтересованно смотрела на него, ожидая, о чём же ему хотелось бы расспросить. Он пожал плечами.

– Спрашивай, спрашивай, я сегодня склонна к откровенной беседе! – полуулыбка и какое-то новое выражение в её глазах, от чего Валентин почувствовал приятное волнение.

Может, новая обстановка, может неспешность и размеренность атмосферы так подействовала, но Ирине казалось, что так легко и так здорово ей давно уже не было. Ощущение было как в юности, когда всё ещё ново, когда ты ещё живёшь в предвкушении чего-то, что вот-вот должно произойти. И это что-то – совсем рядом в самом воздухе, в запахе после дождя. И его глаза – так близко, так смотрят на неё в ожидании ответа... Ответа на вопрос, который она сама себе задаёт последнее время, пытаясь освоиться с этими новыми для

себя чувствами...

– Ирин, ты говорила, у тебя есть сын... – голос Валентина вырвал её из размышлений. Голос, заставляющий последнее время чувствовать смятение, ждать его звонка...

– А мужа нет, если ты об этом. Мы давно в разводе, – догадалась она, о чём он.

– Я так и подумал.

– Странно жизнь складывается, правда? – она на минуту задержала взгляд на бокале, в котором причудливыми рубиново-красными отсветами играло в лучах солнца вино. – В молодости делаешь выбор, точнее, тебе только один вариант и видится верным, другие ты просто не рассматриваешь априори. Всё кажется правильным, и ты уже планируешь, а что дальше? А потом тебе вдруг говорят, что всё ты совсем не так придумал, как должно на самом деле быть. Внезапно оказывается, вариантов-то несколько было, а ты где-то не увидел, где-то, наоборот, специально закрыл глаза... – она с сожалением вздохнула.

– Жалеешь, что не сложилось? – он понял, что она имеет в виду.

– Ты знаешь, нет... – помедлив, произнесла она, – сейчас уже нет. А поначалу казалось, что страшно: привыкаешь к тому, что постоянно рядом кто-то, а тут одна. Поначалу все ночи напролёт не знаешь, чем занять себя, мысли всякие дурацкие лезут в голову, роятся там и мешают заснуть... Начинаешь страдать самокопанием: а если это я не так что-то де-

лала, если это я упустила тот момент, когда всё раскололось?

– А теперь?

– А теперь мне кажется, как бы человек там себе ни придумывал, какие способы бы ни искал, причины, – если другой захочет уйти, он всё равно уйдёт. И, наоборот, если человек твой, то всё равно рано или поздно ты это поймёшь, – она немного помолчала, собираясь с мыслями. – Наверное, поэтому я всё это время так ни с кем и не встречалась...

– Любила его сильно?

– Сначала ещё любила, потом перегорела. Наверное, надо было, понимаешь, как бы это объяснить? – она пощёлкала пальцами, стараясь сформулировать. – Надо было перестать пытаться соответствовать чьим-то представлениям, научиться быть собой, понять, что же именно мне лично нужно. В своё время подруга сказала, что я растворилась в заботах о семье, жила только этим и перестала задумываться о том, чего же хочу от жизни...

– Помогло?

– Помогло. Я постепенно научилась слушать себя. Поняла, что надо меньше жить с оглядкой на чужое мнение, потому что ты живёшь свою жизнь, а не чью-то ещё. Не нравится, идите себе мимо и не лезьте, короче говоря! – рассмеялась она. – С тобой такого не было?

Он немного задумался:

– Пожалуй, было. Когда развёлся, стал жить один. Сперва казалось, что некуда это время свободное девать. Потом

дошёл до того, что это даже неплохо: можно ж успеть столько всего сделать, что раньше откладывал, из-за того, что элементарно некогда было и не хотелось. Но ты знаешь, последнее время появилось такое чувство, что уже всё пресытило. Поначалу было что-то вроде эйфории: выпустили на волю, на тебе и то, и другое, глаза разбегались! А сейчас... – он пожал плечами, – не знаю, наверное, уже тяготить начало. Исчезло ощущение новизны, что ли... – попытался объяснить он.

– Знакомо...

Они немного помолчали. Она скользила взглядом по его лицу, медленно, точно изучая: глубокая морщинка между бровей, светло-голубые глаза, казавшиеся сегодня почему-то почти синими: то ли свет так падал, то ли ещё что. Прямые, широкие плечи, обтянутые льняной рубашкой, расстёгнутой на две верхние пуговицы.

Он сидел, поставив локти на стол, чуть подавшись вперёд, увлечшись разговором. Длинные пальцы то скрещивались в замок, то снова разжимались.

«Странно, так легко говорить с ним о том, о чём я обычно рассуждаю только сама с собой, даже не с Аней... А с ним почему-то не стыдно быть откровенной...»

Она, сама не замечая, перебирала пальцами волосы, задумавшись, а потом посмотрела на него и вдруг предложила:

– Слушай, а пойдём, ты мне покажешь, откуда лучше смотреть на закат, а?

– А пойдём! Ты что больше любишь: закат или рассвет? –

он подозвал официантку и расплатился за ужин.

– Наверное, закат. Я вообще вечер люблю.

– Тогда пошли быстрее, а то не успеем, солнце зайдёт! Давай! – он взял её за руку, и они поспешили в обратную сторону. Ирина легко приноровилась к его быстрому шагу.

– Так куда мы?

– Ты знаешь, что Нижний называют «столицей закатов»?

– повернулся он к ней.

Она покачала головой:

– Неужели здесь настолько красиво?

– Ну, для меня здесь, наверно, всегда будет очень красиво, потому что это мой родной город, хоть и живу я теперь в другом месте, а для тебя... сама сейчас оценишь и скажешь, совпали ли твои ожидания с действительностью! Проверим?

И они быстрым шагом дошли до смотровой площадки у Чкаловской лестницы.

Сверху открывался панорамный вид на Волгу. Тихий вечер, гладкая, отражающая горизонт вечернего неба как огромное широкое зеркало, река. Внизу просматривается Нижневолжская набережная, и отсюда кажется, что здесь настолько высоко, что буквально захватывает дух. Ирина восхищённо смотрела на плывущие внизу по реке прогулочные теплоходы, на разливающееся по краю горизонта, кажущееся бесконечным, оранжево-розовое море. Светящиеся полосами облака, которые, казалось, растворяются в воде...

Валентин стоял рядом, не говоря ни слова, ему нравилось, как в её золотисто-русых волосах мелькают блики от солнечных лучей. Тёплый вечерний свет вычерчивал её профиль на фоне закатного неба.

Вокруг было много людей, но им сейчас казалось, что они здесь одни. Голоса и городской шум растворялись где-то там, не долетая сюда, поэтому он невольно шёпотом спросил, будто боясь, что от звука его голоса всё это исчезнет:

– Завораживает, правда?

– Настолько, что даже слов не хватает! – так же шёпотом отозвалась она, не в состоянии оторвать взгляд от этого вида.

– Я знал, что оценишь!

Она повернулась к нему, на губах была мечтательная полуулыбка:

– А ты никогда не думал, что мы столького вокруг себя просто не замечаем, потому что постоянно куда-то торопимся, спешим, а можно же просто взять и остановиться, оглядеться...

– Правда... Люди вечно суетятся, всё впопыхах, кажется, всё уже знаешь, что там такого может быть, чего я не видел? – помедлив, произнёс он. – Всё быстрее, быстрее, а потом вдруг понимаешь, что полжизни-то уже прошло!

– Если захотел осмыслить, значит, ещё не всё упущено! – она снова повернулась к перилам, смотря на людей, идущих вверх-вниз по ступенькам лестницы.

Они замолчали на какое-то время. Она облокотилась о перила, подперев щеку рукой, он стоял чуть позади. Закат тускнел, опускались сумерки, потихоньку темнота окутывала город, а они всё смотрели на темнеющую, отдававшую небу последний блик закатного света, реку. Было почему-то хорошо просто молчать.

Неожиданно Ирина спросила, не оборачиваясь:

– А ты когда-нибудь за это время задумывался, хочется ли тебе ещё раз связать свою жизнь с кем-то, или, наоборот, слишком понравилось быть одному, самому по себе?

Странно, сейчас она не испытывала неловкости, смущения, хотя, задавая этот вопрос, она, по сути, пыталась дать ему понять, что сама чувствует. Ей просто до чёртиков хотелось сейчас, чтобы он ответил, отозвался, чтобы этот вечер не закончился как тот, после кафе, простой дежурной фразой «до завтра».

Она повернулась и подняла на него глаза. То, что было в её взгляде, такое настоящее, живое, чего он так ждал, так хотел увидеть, почувствовать, пронзило сейчас какой-то острой нежностью к ней.

– Задумывался, – тихо ответил Валентин, делая шаг ближе, смотря ей прямо в глаза. В них отражалось то, чего она не решилась произнести вслух, – когда понял, что хочу быть с тобой.

Сейчас он интуитивно осознавал, что нужно не упустить этот момент, иначе больше она не спросит. *Так* не спросит.

Пару секунд они не отрываясь смотрели друг на друга, словно не в силах разорвать это невидимое притяжение.

– Каждый момент с тобой, – его голос звучал мягче, но уверенно, – это не просто случайность...

Он почувствовал её волнение... ещё полшага... Слегка коснулся рукой её талии, её пальцы в ответ скользнули по его плечу, словно проверяя реальность момента...

До гостиницы они шли не торопясь, на её плечи была накинута его ветровка, он приобнимал её, о чём-то тихо рассказывая. Дойдя до входа, они помедлили у дверей, стоя почти вплотную друг к другу. И так было хорошо просто от того, что она рядом.

– Ужасно хочется поцеловать тебя, – его чуть низковатый, окутывающий её своим волнующим тембром, голос звучал совсем тихо, так что было слышно только ей одной, – но не испорчу ли я о себе впечатление? – лукавство проскользнуло во взгляде и еле сдерживаемой улыбке. – Скажешь, что тороплю события?

Она, уловив это, ответила в том же тоне:

– И не подумаю сказать! – потом придвинулась к нему и проговорила: Хочется – целуй!

Они стояли одни на этой полуночной улице, её руки сплелись на его шее, он бережно прижимал её к себе и целовал. Целовал, чувствуя, как её губы поддаются, отвечают ему той же нежностью, чувственностью, волнением. Утопая в этих ощущениях...

Они расстались у дверей её номера. После того, как дверь за ней затворилась, он ещё какое-то время постоял, загадочно улыбаясь, потом медленно пошёл к себе.

Он был абсолютно счастлив, если такое вообще возможно.

...И совсем не хотелось думать, что уже завтра она уедет, а он останется здесь, без неё, на целых три дня...

Глава 5.

«Ну до скорого!», – сказал он, когда провожал Ирину с Борисом в воскресенье. Пока Борис прогрел машину, он отозвал Ирину в сторону.

– Ирин, – он слегка замялся, решая, как лучше сказать, – мне было слишком мало одного вечера...

– И мне... Приезжай скорей, я буду ждать...

– Ты уж прости, но давай обойдёмся без всех этих созвонов-смсок, ну не моё это просто, я лучше вживую с тобой увижусь. Такой вот я антиромантик, наверно, – немного виновато улыбнулся он.

Она легонько коснулась его руки.

– Никакой ты не антиромантик, иначе не повёл бы меня смотреть на такой шикарный закат, – проговорила она с лёгкой грустью в голосе, – а смс-ки я и сама не люблю писать, так что до встречи...

– До встречи...

Борис терпеливо ждал, пока они распрощаются, и Ирина сядет в машину. Валентин махнул им рукой, Борис посигналил в ответ и поехал.

Он должен был остаться в Нижнем ещё на несколько дней, а Борис со вторника уходил в мини-отпуск: они всей семьёй уезжали на дачу в деревню, где каждый год с середины весны до октября жила Анина мать, занимаясь выращиванием помидор в теплице и разведением цветов. Деревня была довольно далеко, в той части области, где кругом мшистые ле-

са, тишь и практически полное отсутствие связи, потому что телефон там напрочь отказывался улавливать сеть, так что Ирина оставалась за главную в офисе без особой возможности связаться с шефом. Но это её особо не беспокоило, потому что она сама организовывала всю работу в фирме, и Борис прекрасно знал, что в его отсутствие она вполне справится с директорскими обязанностями.

Работы, на самом деле, была пропасть: вторая половина августа, посыпались «школьные» заказы помимо текучки. Ирина только и успевала разгрести заявки.

Прошла половина недели, по идее, Валентин должен был приехать обратно. Он не звонил, но Ирина пока не придавала этому значения, они же договорились, что он сам заедет, как только вернётся. К тому же, не хотела навязываться. Наоборот, небольшая пауза было необходима, чтобы разобраться со своими мыслями. Пока они провели всего один вечер вместе, толком ничего ещё не определено. Да, вечер был замечательный, им было очень хорошо вдвоём, наконец ушла вся недосказанность.

Но это возникшее между ними чувство было пока ещё слишком хрупким, невесомым, будто прикоснёшься – и растает.

«Он ведь обещал, что заедет, когда вернётся, значит, пока не вернулся, так ведь?» – рассуждала она. И как назло, не у кого было узнать. Борис уехал, и теперь до следующей недели не появится, а у кого ещё спросишь.

Но, с тех пор, как она вернулась домой, всё, о чём она могла думать, так это об их вечере вдвоём, о том, какой у него был взгляд, когда он смотрел на неё, прощаясь у дверей номера, о лёгком, едва ощутимом, но таком волнующем прикосновении его пальцев к своей щеке. О том, каково это, вновь осознать, что с тобой рядом человек, который в этот момент нужен тебе больше всего на свете.

...Прошло уже четыре таких длинных, бесконечно тянущихся, дня. Она сидела на своём рабочем месте, принимая звонки, рассчитывая заказы, отвечая на почту, но делала всё это машинально-отлаженно, а мысли были совсем не здесь. Каждый раз при звуке открывающейся входной двери внутри что-то ёкало, и она быстро оглядывалась в надежде увидеть *его*, а это был всего лишь очередной клиент или водитель, который привёз расходники и бросал на стойку накладную, чтобы она поставила печать. Всего лишь...

Счастливого предвкушение уступило место тягостному ожиданию. Прошёл четверг, пятница, наступили выходные... Ирина терялась в догадках, что могло произойти, почему он молчит. Может, это она слишком большое значение придаёт всему, а с его стороны всё не так?

«Придумываю себе, а потом разочаровываюсь... ведь ничего такого мы друг другу не обещали, даже ещё не определились толком с тем, что есть, а я уже нарисовала себе в голове...» – Ирина сидела вечером на диване, поджав под себя ноги, с чашкой чая в руках. Она смотрела в экран телеви-

зора, не замечая происходящего в фильме... Поставив чашку на подлокотник, она вскочила с дивана, обхватила себя руками и стала расхаживать по комнате, терзаясь надуманными идеями: «Он же не такой человек, чтобы просто взять и вот так вот, без объяснений, всё прекратить!» – и тут же возражала самой себе: А много ты о нём знаешь? Ты знаешь его с другой стороны. Просто общаться в деловых рамках – это одно, а как мужчину ты впервые узнала его только там, в тот вечер!»

Она вышла на балкон, облокотилась о подоконник, вдохнув ночной посвежевший воздух, и почти вслух произнесла: «Слишком он был искренний, чтобы это было иллюзией. Он не пытался казаться кем-то специально передо мной, не пытался флиртовать, никаких намёков на то, чтобы потом остаться у меня в номере... Я так давно не чувствовала к себе такого отношения... Ему было важно всё, что я говорю, он... Господи, ну что же так тошно-то?» – простонала она.

Неважно, что это были не первые отношения, неважно, что им обоим было далеко не двадцать, а гораздо больше. Да, сейчас это осознанней, ты понимаешь, слишком хорошо понимаешь, что с тобой происходит, что будет, если обманешься в своих ожиданиях, надеждах, но поделаться-то с этим всё равно ничего не можешь и идёшь на поводу. И волнительно, и больно-то одинаково, и жалость к себе не меньше, чем в юности, когда после долгожданного свидания, парень, проводивший до дома, целовавший на прощание, вдруг про-

падает и не звонит. Или ещё хуже, делает вид, что ничего не было, а для тебя-то это чуть не самое большое горе в жизни.

Ирина прекрасно понимала, что нет ничего проще, чем взять и напрямую спросить и всё выяснить. Но продолжала себя накручивать.

Вот телефон, возьми в руки и позвони! Но словно какая-то сила удерживала её от того, чтобы набрать его номер.

Видимо, прочно в подсознании сидела установка, что женщина не должна делать первый шаг, что это унижение – самой навязываться мужчине. Установка, крепко вбитая в голову многим женщинам их матерями и бабушками. А почему? Ну, просто так не принято и всё. Стереотипы никто не отменял.

После того, как Ирина уехала, Валентин чувствовал себя так, словно его выдернули из приятного сновидения и силком вернули в повседневную реальность: настолько огромным было то ощущение абсолютного счастья рядом с ней, что ему казалось, это даже слишком. А ведь ничего особенного между ними и не произошло, но ему этого было сверхдостаточно. Видеть её счастливые глаза, этот взгляд, откровенно говоривший о том, что она чувствует, и одновременно робкий, с надеждой, который был только для него. Её волосы, слегка щекотавшие щёку. То, как она ловила каж-

дое его слово. Это словно пьянило, как, наверное, никогда раньше до этого. Ему одновременно и хотелось, чтобы эта ночь не заканчивалась, хотелось сжимать её в объятиях, чувствовать её, желать. И в то же время он с каким-то благоговейным трепетом, легко, полуприкосновениями дотрагивался до неё, боясь спугнуть напором.

Сейчас он слишком ясно осознавал, что происходит с ними обоими, он жаждал целиком раствориться в этом новом для него состоянии. Он знал, хотя и не говорилось ни слова, что с ней происходит то же самое.

Все три дня до отъезда он представлял, как приедет, зайдёт к ней в офис под самый конец рабочего дня. Она будет там одна, потому что Борис в отпуске, а ей нужно задержаться, чтобы доделать всё за день. Он неслышно откроет дверь и встанет у входа, наблюдая, как она что-то пишет в блокноте, склонившись над столом, придерживая волосы рукой, чтобы не мешали. А потом негромко позовет её по имени, она вскинет глаза – и всё, вот пусть это мгновение задержится.

Он потянулся на диване, улыбнулся и сказал сам себе: «Это же надо в таком возрасте настолько влюбиться, пропасть напрочь, чтобы из головы вылетело всё остальное! Никогда не думал, что буду вот так мечтать о женщине. Мечтать о том, чтобы она просто была рядом, всегда рядом! Такое простое, и оттого, наверное, такое сильное, такое понятное счастье, а не что-то иллюзорное... Антиромантик, куда уж там...»

Глава 6.

– Ириш, привет, как у нас дела? – Борис вошёл в офис, бросил ключи от машины на свой стол и огляделся.

– Привет, всё, как всегда, замечательно! Как отдохнул у тётчи в гостях? – шутливо спросила она.

– Шикарно! – ответил Борис с довольным видом. – Ты ж в курсе, моя тётца – золото, никогда не мешает наслаждаться отдыхом. А главное – знаешь что?

Ирина вопросительно кивнула.

– Главное, что никто не может до меня там дозвониться и доставать дурацкими вопросами и некстати появляющимися делами! Потому что в нашей глуши такое понятие, как нормальная связь, пока не существует. Там, наверное, какой-то провал или аномальная зона, – усмехнулся он, снимая пиджак и вешая его на спинку кресла, – сотовые волны туда не достигают.

– Как Аня, дети? А то я ей ещё не звонила, – поинтересовалась Ирина.

– Ой, Анюта у нас всегда самая довольная! – заулыбался Борис. – Выгнала меня с сыном на рыбалку, а сама командовала женским батальоном на грядках. Она ж не умеет спокойно отдыхать, ей подавай активную смену деятельности!

– Зато вам обоим никогда не бывает скучно, она всегда придумает, чем тебя занять! – рассмеялась Ирина, хорошо

зная супердеятельную натуру своей подруги.

Борис о чём-то на мгновение задумался, потом спросил:

– Слушай, а Валентин не заезжал часом?

Ирина вдруг помрачнела и помотала головой.

– Странно, должен ведь был... – он потерял дужку очков. – Пойду звякну ему, а то я с корабля на бал, как говорится, вчера только поздно вечером уже домой приехали, ни с кем ещё не разговаривал.

– Иди-иди, позвони! – а сама села и не знала, за что взяться, нервничая и ожидая, что же скажет Борис.

Через несколько минут Борис зашёл обратно в офис. Он медленно опустился на стул, смотря на Ирину. По его бледному лицу, плотно сжатым губам она поняла, что что-то случилось. Нехорошее предчувствие зашевелилось в груди, заставив её слегка вздрогнуть.

На её безмолвный вопрос Борис, выделяя каждое слово, произнёс глухим голосом:

– Валька... разбился... на машине...

Ирине показалось, что её грудь словно мгновенно сжало тугим обручем, стало невозможно сделать вдох.

Борис продолжал:

– Ехал обратно когда, уже почти рядом с городом на встречу выскочил какой-то придурок, а он не смог увернуться... не успел... – Борис глубоко вздохнул, провёл ладонью по лицу, стаскивая очки. Ладонь была ледяная и влажно-липкая от пота. – Это было ещё в четверг вечером, ока-

зывается, а я сейчас только узнал... – он сам с трудом осваивался с только что услышанными новостями.

– Боря, он... он... – она не могла заставить себя выговорить то, что закралось сейчас в сознание и начинало опутывать сжимающим горло паническим страхом.

– Нет, Ирин, он жив... – проговорил медленно Борис, – но в реанимации. Машина – в хлам! Его еле вытащили... Операцию сделали, там переломов куча и черепная! – он махнул рукой с отчаянием, не в силах продолжать, настолько это ошеломило его.

– Господи... – тихо, совсем почти беззвучно произнесла Ирина. – Почему, почему так? Как же теперь... мы же... – она не могла говорить дальше, потому что по щекам потекли слезы. Тихо, без всхлипов, без рыданий. Она просто не могла ничего с ними поделать и молча смотрел на Бориса, словно ища у него какой-то поддержки.

– Самое интересное, у этого, который в него въехал, всего лишь перелом бедра и ушибы! Ну как вот так? Ехал себе человек, никого не трогал, нет, твою мать, кому-то надо было очень спешить и попереться на обгон! – Борис от злости грохнул кулаком по столу. – Если Валька из-за него не выживет, я его сам закопаю! – вскричал он.

Борис вскочил, стал ходить взад-вперёд по залу, взъерошивая волосы и оттягивая галстук, душивший его. Вдруг, глянув на Ирину, увидев её молчаливое отчаяние, он остановился, присел перед ней на корточки, взял за руки и сказал:

– Ирин, ты не слушай меня, всё у него хорошо будет, он поправится, вот увидишь! – он несильно сжал ее руку. Она кивала в ответ на его слова, потом её вдруг затрясло, прорвались рыдания, сквозь которые она пыталась сказать:

– Борь, мне... мне ну-нужно к нему, нужно его у-увидеть!

– Увидишь! – решительно ответил он. – Как только можно будет, мы поедem с тобой в больницу! – она умоляюще смотрела на него. – Ириш, прошу тебя, постарайся успокоиться, я... я сейчас Ане позвоню, она к тебе приедет, хорошо? Тихо-тихо, главное, он живой, – утешал он её, – значит, поправится, рановато ему ещё на тот свет! Я сам поеду в больницу и всё узнаю, Аня только подъедет сюда. А ты иди, посиди, успокойся, хочешь, чайку тебе сделаю? – предложил он, не зная, чем сейчас ещё помочь, самого всего трясло от нервов.

Она замотала головой.

– Ну ладно, тогда просто посиди, не надо сейчас ничем заниматься, дела не убегут! – говорил Борис, набирая номер жены.

Через пятнадцать минут Аня влетела в офис, молча взглянула на мужа, он вздохнул и ничего не говоря, сжал её руку, Аня в ответ накрыла его пальцы своей ладонью:

– Борь, ну как же так?

Он качнул головой:

– Иди к Иринке, успокой, она сама не своя, потом всё...

Она подошла к Ирине и обняла её. Ирина молча всхлипывала, а Аня тихонько укачивала её, словно ребёнка.

– Анята, я поеду съезжу в больницу, лучше там спрошу по-нормальному, чем по телефону.

– А ты сам-то откуда узнал?

– Да я хотел Вальке звякнуть, но номер недоступен был. Я стал звонить в офис. Они там мне говорят, мол, как так, вы разве ничего не знаете? Тут уж я Игорю набрал, он мне всё рассказал. Когда всё произошло, он же в Нижнем был, у себя. Ему сообщили то ли из больницы, то ли ещё откуда, не суть, не помню! Короче, он сразу в машину, и сюда под утро приехал. Ну, а днём, в пятницу, мне звонил, а у нас же ни черта не ловит! Вечно, когда надо, мы вне зоны с этой грёбаной связью! – с досадой воскликнул Борис. – А потом ему уже не до нас было... Что он там будет сидеть всем по сто раз названивать? ...А я как мог догадаться, – Валька же сказал, что приедет в четверг где-то ориентировочно, а в пятницу или понедельник в офис заедет, мне и ни к чему... Кто ж думал, что такое случилось!

– Борька, хоть бы всё обошлось! – вздохнула Аня. – Позвони мне оттуда, хорошо?

– Конечно-конечно! Всё, поеду, а то уже сам извёлся весь! – и еле слышно добавил: – Ты Иришку-то успокой, а то она сама не своя.

Аня махнула ему рукой и кивнула.

Когда за Борисом закрылась дверь, она увела подругу в каморку, где все обычно обедали, и усадила на диванчик. Ириша молча смотрела на неё, не в силах выговорить ни слова из

тех мыслей, что сейчас накатывали одна за одной, заставляя трястись ознобом всё тело, не давая нормально вздохнуть.

Аня взяла стул, поставила перед ней, села. Несколько секунд она молча смотрела на Ирину, которая вцепилась в край дивана и часто вдыхала ртом воздух, пытаясь справиться с собой.

– Значит, так, подруга! Берём себя в руки! – скомандовала она. – Ты чего там себе в голове крутишь?! Он жив и слава богу! – Ирина с мольбой посмотрела на неё. – А что? – продолжала Аня, стараясь говорить бодро, хотя сама едва справлялась с волнением, но не подавала виду, иначе некому будет Ирину успокаивать. – Борька сейчас всё выяснит, он же, сама знаешь, дотошный!

Аня глубоко вдохнула и на на немного задержала дыхание, утихомиривая напряжение, готовое вот-вот прорваться наружу. – Конечно, кошмарная ситуация... – уже тихо проговорила она, – Сама до сих пор не могу поверить, что так произошло...

– Ничего, – поспешила продолжить она, увидев, как Ирина вдруг прижала ладони к губам, – я знаю, всё хорошо будет! И ты тоже знай! Поняла? Чего ты себе в другую сторону накручиваешь?

– Знаешь, как я ждала, что он придет... – наконец смогла сквозь рыдания выговорить хоть что-то Ирина. Аня вздохнула.

– Иринк, вы...

Та только молча кивнула, и у неё опять потекли слёзы.

– Ох, горе ты моё! – Аня уже сама готова была разреветься.

Они просидели в камерке до тех пор, пока не вошёл Борис и не окликнул их. Они одновременно посмотрели на него.

– Я разговаривал с врачом...

Глава 7.

Он ехал уже несколько часов, до дома оставалось рукой подать. Выехал специально пораньше, чтобы добраться за светом.

С утра помог сыну разобрать коробки со старыми вещами, оставшимися от родителей. Сын делал ремонт в трёшке. Эта комната была ещё нетронутой. Валентин забрал себе затёртый толстый фотоальбом в бархатной обложке, где на чуть потрёпанных листах хранились старые чёрно-белые фото, вставленные в специальные картонные уголки. Забрал некоторые книги, мамин блокнот с рецептами, просто так, на память. А остальное... Пусть Игорь сам решает, что с этим делать.

Так что к обеду он освободился, взял из гостиницы дорожную сумку, сел в машину и поехал домой.

У сына он никогда не останавливался, приезжая в город, ему не хотелось стеснять его и Ольгу, с которой они жили в квартире. Мог заглянуть в гости, но не более того.

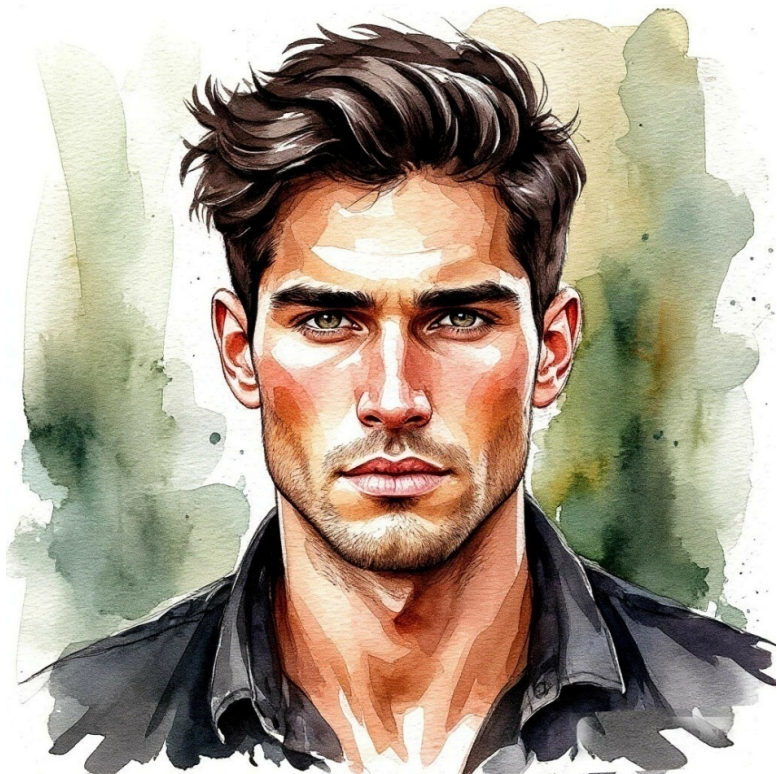
С Игорем у них сложились хорошие, «взрослые», если можно так выразиться, отношения – скорее дружеские, а не наставнические. Сын всегда больше тянулся к нему, чем к матери. Игорь ему доверял, советовался, Валентин, в свою очередь, отвечал тем же. Не навязываясь, поддерживая и помогая, когда требовалось.

После отъезда Бориса и Ирины, они вместе вышли прогуляться. Игорь сказал, что подумывает жениться. С Ольгой они уже некоторое время жили вместе. Валентин знал, что сын с самого начала был серьезно настроен в отношении неё, потому что до этого девушки менялись и не задерживались, а тут всё было иначе. Зная характер сына, Валентин понял сразу, когда Игорь их познакомил, что Ольга – это не пробный вариант, это начало чего-то настоящего и значимого в его жизни.

Игорь по натуре был вдумчивый, рассудительный. Он редко шёл на поводу у эмоций, поэтому и решения принимал взвешенно. Те, кто его плохо знали, часто считали, что он слишком холоден и флегматичен. Но на самом деле, он просто был достаточно скрытным, иначе вёл себя только с самыми близкими людьми.

Игорь иногда удивлял своими зрелыми суждениями, тем, как он разбирался в людях и каких-то жизненных ситуациях. Вспоминая себя в этом возрасте, Валентин понимал, что Игорь гораздо умнее, даже мудрее, чем он был в своё время. Хотя, чему удивляться, это было вполне закономерно: Игорь с самого детства был серьёзным, казался взрослее своих сверстников. Знал ещё класса с седьмого, кем хочет стать, и упорно шёл к своей цели. Всегда очень разумно рассуждал и обосновывал свой выбор и решения. Валентин даже в какой-то мере завидовал этой его способности. Сам он, ведомый чувствами, часто отбрасывал рациональность. Хотя, кто

его знает, что из этого лучше.

Игорь

Да, сын был действительно его гордостью и совсем не по-

хожим на свою мать, чему Валентин был весьма рад. Скорее, напоминал деда: тот тоже всегда умел чётко продумывать, анализировать, не торопясь сделать лишний шаг.

«Ну, женится – и пускай! – размышлял он, глядя на дорогу. – Парень самостоятельный, работа есть, квартира – тоже. И Ольга работает. И в быту они притерлись уже, может, и пора им».

Он опустил козырёк, солнце стало светить в глаза. «Чудно, – вдруг подумалось ему. – Только я вроде сам такой же был, а Игорь бегал со мной по парку, гоня мяч, а тут, глядишь, у меня уже даже внуки появятся... Ну, теоретически-то, почему нет? – усмехнулся он, – Самое интересное, что я себя не ощущаю больше, чем лет на тридцать с хвостиком: всё где-то там застрял, и совершенно не доходит, что скоро полтинник стукнет!»

Дорога была практически свободна, ведя вдоль полей через деревеньки со старенькими деревянными домиками и причудливо вырезанными наличниками. И только местами шли вереницы встречных машин, а потом опять пусто.

В динамиках пел Носков. Песня была сейчас очень созвучна его мыслям: «Закрываю глаза, и дышу тишиной, я рисую себе, что ты рядом со мной...»

На мгновение вспомнилось её лицо в момент прощания... Он улыбнулся. ...Ещё немного, и они снова встретятся... Снова будет словно пьянить это ощущение её близости...

Оставалось совсем немного до города, примерно километ-

ров тридцать. По встрече тащился хвост из-за грузёной газели, ехавшей натужно и медленно. То одна, то другая машина, дождавшись окошка, обгоняла и перестраивалась обратно. В конце хвоста периодически выныривал кто-то, нетерпеливо ожидая, когда же может будет проскочить. Серебристая «Киа Рио» гневно засигналила, когда этот торопливый товарищ начал вылезать на обгон, а она с уже давно включённым поворотником выезжала перед ним.

Валентин наблюдал, про себя критикуя водилу, поражаясь, до чего люди иногда напрочь забывают, что на дороге они не одни.

Вдруг этот слишком спешащий вырвался на встречу, прибавляя скорость, в надежде успеть заскочить обратно в полосу, обогнав газель. Валентин поневоле стал сбавлять, потому что расстояние было слишком близким, а гонщик на встрече уже приближался, почти обойдя газель.

Какие-то доли секунды... Растерянное лицо этого водителя совсем близко, вдруг сообразившего, что он не успевает, и нога машинально в педаль тормоза... Инстинктивный поворот руля в сторону обочины – отвести удар... «Медленно... почему так странно медленно всё?» – успел подумать Валентин.

В ту же секунду – визг тормозов, оглушающе-громкий, скрежещущий удар – и темнота... Больше он ничего не увидел... Ни как его отбросило на обочину, ни как выбегали люди и спешили к его развороченной машине и разбитой газе-

ли, в которую после удара развернуло «Тигуан».
Темнота и больше ничего... Ни одного звука...
«Закрываю глаза и дышу тишиной...»

От удара дверь вмяло внутрь, его зажало в машине. Голова лежала на руле, лицо было в крови, плечо, поддерживаемое ремнём безопасности, странно вывернулось, из носа стекала толстой густой струйкой кровь. Валентин был без сознания. Подбежали люди, попытались открыть дверь, но было бесполезно, замок заклинило. Кто-то залез через пассажирскую, пощупал пульс – он был, слабый.

– Живой! Звоните кто-нибудь в скорую! Быстрее! – крикнул человек. Потом он же кинулся к своей машине, схватил оттуда какую-то футболку, снова залез в салон разбитого «Аутлендера» и прижал её к ране на голове, чтобы остановить кровотечение.

Ещё минут через пятнадцать послышались сирены скорой и ДПС.

Кое-как наконец всё же удалось открыть дверь. Валентина аккуратно вытащили, переложили на носилки, но он по-прежнему не приходил в себя.

– Давай! – крикнул врач водителю. – Его надо срочно везти, плохой совсем, там возможно внутреннее кровотечение, можем и не успеть, гони! – скорая, отчаянно сигналив, умчалась в сторону города.

Водителя, устроившего аварию, уже осмотрели. Тому страшно повезло: он умудрился отделаться ушибами и переломами рёбер и носа. На счастье, ехал без пассажира, тому бы точно досталось, потому что сильно помяло больше правую сторону, а не водительскую. На обочине стояла газель,

которой достался удар в дверь и кузов.

– Как ни крути, ему повезло, могло бы и сразу наглухо при таком ударе, – говорил врач, проводивший операцию, коллегам в курилке.

– Ты погоди пока, надо подождать, посмотрим, скоро ли очнётся.

– Ну, первые сутки покажут, – поддакнул другой. – Родственникам звонили?

– Да, сыну позвонил, сказал, что выезжает. Но, я так понял, он в Нижнем Новгороде, пока доедет оттуда – это к утру только.

Они докурили, смяли окурки в пепельнице и пошли обратно внутрь больницы.

– Травмы у него тяжелые: головой сильно ударился, перелом плеча, бедра, рёбра тоже... Там букет целый, короче... Удивительно, что вообще не насмерть, как врач сказал, там скорость приличная очень была. Такие вот дела... – подытожил Борис. – Пока что он в сознание не приходил... Хорошо ещё, скорая быстро приехала, потому что недалеко от города, – вздохнул он. Тяжело было всё это говорить, у самого

ещё в голове пока не укладывалось.

– Нет, там без МЧС обошлось, – пояснил он в ответ на Анин вопрос, – как-то смогли дверь взломать монтировкой и вытащить его... А пока ехали в скорой, остановка сердца произошла... – голос на мгновение сорвался, Борис умолк на пару секунд, потёр горло, сглотнул, – ну, там... там запустили сердце... не знаю, что было бы, если бы скорая позже приехала... Вот ведь придурок этот! – резко вскричал Борис, с ненавистью треснув по столу так, что Аня вздрогнула.

Она подошла и сзади обняла его за плечи. Борис уже тише сказал:

– Да просто в голове не укладывается! Ну вот какого хрена ты, идиот, на встречу лезешь, если видишь, что там занято? Бессмертный, что ли? – снова стукнул он руками по столу. – Небось, самым умным себя считает, летун долбанный! Теперь Валька сколько будет восстанавливаться, если вообще в сознание придёт! Операцию сделали, теперь только ждать!?

Ирина сидела, уставившись в одну точку. Ей казалось, что это всё происходит с кем-то ещё. Вот сейчас она тряхнёт головой – и этот кошмар рассеется, исчезнет. Ведь это неправда, неправда! Она заторможенно, как в дурмане, обвела глазами комнату, по очереди остановившись взглядом на Ане, что-то тихонько говорившей мужу. На Борисе, который стоял, облокотившись на стол, опустив голову. Потом посмотрела вниз, на свои руки. Руки почему-то начали странно расплываться, очертания комнаты стали размазанными... Она

начала проваливаться куда-то в темноту, но не успела... Аня хлопала её по щекам, взволнованно спрашивая:

– Иришка, тебе нехорошо? Голова кружится? Может, тебе воды?

– Кружится... противно так... – слабым голосом ответил Ирина.

– Димка дома? Давай я тебя отвезу? Полежишь, валерьяночки бахнешь, а? Это всё нервы, нервы...

– Я... я не знаю... Дома, наверно, – мозг как-то с запозданием соображал, чего от него хотят.

– Ладно, если нет, сама с тобой посижу! Борь, давай, девчонок предупреди и домой, и жди меня там! ...Или со мной давай лучше... – засомневалась она.

– Давай с тобой... – откликнулся Борис. Дома сидеть одному не хотелось явно.

Они отвезли Ирину домой. Аня заставила её выпить рюмку «егермейстера» и уложила на диван.

Чуть позже послышался звук открываемой входной двери и в комнату вошёл сын Ирины. Невысокий светловолосый парень, с серыми, как у матери глазами.

– Что с мамой? – спросил взволнованно Дима, увидев Ирину, бледную, сжавшуюся на диване.

– Дим, не волнуйся, ей просто на работе нехорошо стало, мы её домой привезли. Ты посматривай за ней, ладно?

Он кивнул и подошёл к матери. Ирина устало взглянула на него.

– Мам, тебе ничего не нужно? Ты скажи!

– Нет, Дима, иди к себе, всё нормально, – бесцветно про-
бормотала Ирина.

От ликёра немного прошёл озноб, но расслабиться не по-
могло. Всё равно это противное чувство страха, какого-то
изнутри исходящего, закрадывающегося в мысли, никак не
покидало её.

«Господи, пусть всё обойдётся, ну пожалуйста! – просила
она. – Ну почему так?»

Она села на диване, обхватив себя руками. Всё равно было
холодно. Ирина стянула со спинки дивана плед и завернулась
в него, поджав под себя ноги, и прислонилась к подушке.

– Мам, я же вижу, что ненормально! – воскликнул сын.

– Давай попозже обо всём... Я... я не в состоянии сейчас
это обсуждать... пожалуйста...

Он вздохнул.

– Ну хорошо... Может тебе чаю надо? – предложил он, не
зная, что ещё сделать.

Она покачала головой:

— Не лезет ничего... Пульт от телека дай...

Она включила телевизор: шли новости. Но, собственно,
без разницы, что, главное, чтобы не тишина...

– Борь, ты Иринке отгул на завтра дай, пусть придёт в се-

бя. Да и тебе тоже не помешает... Без тебя там за пару дней ничего не произойдёт и не рухнет.

Борис снял очки, устало посмотрел на жену. Потёр виски: голова болела от напряжения.

– Ань, а водка есть у нас или что-нибудь в этом роде?

– Должно быть, я сейчас гляну. Сядь, я всё принесу.

Она принесла два стеклянных бокала, достала из бара бутылку рома и поставила всё на журнальный столик.

– Ань, ведь он мой единственный близкий друг, понимаешь? – с горечью сказал Борис. – С института вместе, считай, больше полжизни.

Наконец Борис смог выговориться после этого бесконечного отвратительнейшего дня.

– Я знаю, родной, знаю, что он для тебя значит... – она прислонилась к его плечу.

– Я молчал из-за Иринки, но там врач пока ничего не сказал обнадеживающего, пока всё неясно... А если он ... – Борис не мог заставить себя выговорить это слово.

– Прекрати! Не думай об этом!

– Не могу не думать, страшно...

– Слушай, мне кажется, раз, как ты говоришь, его вернули к жизни по дороге в больницу, то всё должно быть хорошо. Я почему-то точно знаю, что он не умрёт, что он выкарабкается!

Борис тяжело вздохнул и залпом выпил стакан, помолчал.

– Пошли на балкон, я покурю.

Аня пошла за ним, накинув кофту.

– А Иринке сейчас хуже всего, – вдруг ни с того, ни с сего проговорил он.

– Почему?

– Ну, в больницу её вряд ли пустят, да и меня тоже, пока он в реанимации. А она сейчас накрутит себе, сидя там, в одиночестве... – махнул он рукой с досадой. – Ты видела, что с ней сегодня случилось? Плохо ей, я когда ей сказал сегодня, она с ума чуть не сошла... Они же там, в командировке, ну, вроде как свидание он ей устроил, они целый вечер только вдвоём провели, – сбивчиво говорил Борис.

Аня вздохнула и покачала головой.

– Валька ж на следующий день такой счастливый ходил! Это видеть надо было... – печально улыбнулся Борис. – А теперь что?

Внезапно на столе в комнате зазвонил его телефон. Он наскоро сделал пару затяжек, кинул окурок в пепельницу и ринулся к трубке. Звонил Игорь.

Глава

Глава 8.

– Да, Игорь, что там? – выкрикнул в трубку Борис, боясь услышать самое плохое.

– Да ты не волнуйся, я просто звоню сказать, что отцу вторую операцию делать будут.

– Зачем? – уже спокойнее спросил Борис, усаживаясь на диван.

– Ну, они сделали повторное КТ, не нравится им там что-то, сказали гематому удалить надо.

– Ясно, ты звони в любое время, понял?

– Я позвоню, как известно что-то станет.

– Давай, до связи! Ты сам-то как?

– Да нормально, что мне сделается, – ответил уставшим голосом Игорь, – главное, чтобы отец в себя пришёл, остальное всё фигня.

– Мам, ты сегодня на работу не идёшь, что ли? – Димка появился в дверях кухни, ещё не до конца проснувшийся, лохматый.

– Нет, Борис позвонил, сказал, даёт выходной, – ответила она, стараясь не смотреть на сына.

– Ну так и отдыхала бы! Чего ты с утра пораньше кухню генералишь? – Дима открыл холодильник, задумчиво оглядел полки. – Мам, завтракать сейчас будешь? Я тогда на двоих сделаю. – предложил он.

– Нет, ешь сам, я не буду, – помотала головой Ирина, – аппетита совсем нет...

– Мам... – Дима подошёл к ней, с беспокойством посмотрел.

Ирина, стоя на коленках, усиленно натирала губкой дверцу шкафчика, отмывая её с настойчивым усердием от несуществующих пятен.

Он сел рядом с ней на корточки и взял её за руку:

– Мам, ты сама не своя, что происходит-то? Ты можешь сказать?

Ирина подняла на сына глаза: в них было такое, что Димка невольно охнул:

– Мамуль, чем помочь?

Ирина снова покачала головой и отвернулась.

– Дим, ты садись, завтракай, а то на пару опоздаешь...

– Ты, если что, звони, я отпрошусь и приеду!

– Нечего со мной возиться, всё со мной нормально, правда...

– Мам, я тебе тут бутер оставил, поешь, пожалуйста, ты со вчера ничего не ела ведь, так нельзя!

Ирина выдавила из себя улыбку и кивнула:

– Иди, иди, поем, обещаю!

Когда за сыном закрылась дверь, она швырнула мочалку на пол и прислонилась спиной к стене. Плечи дрогнули, и слёзы потекли сами по себе. Она просидела так какое-то время. Это противное, щемящее в груди, чувство никак не желало её отпускать. Ей было страшно, безобразно страшно. Воздух в комнате казался тяжёлым, вязким. Было ощущение, что он душит её.

Она всю ночь прокручивала в голове эти мысли, изредка

проваливаясь в короткий беспокойный сон, мучивший кошмарами, и резко просыпалась от испуга. И ещё ужасно корила себя за то, что она могла допустить, будто он просто игнорирует её и поэтому не появляется. Почему нельзя было просто позвонить, тогда бы она всё раньше узнала... Хотя... чтобы это изменило? Ведь всё уже успело случиться...

«Как? Как я могла так о нём подумать? Дура! Полная дура! Да у меня никогда в жизни такого не было! Я ведь люблю его, люблю так, что с ума схожу от одной мысли, что больше не почувствую его рядом с собой, не услышу его голос!»

...И не поняла бы, наверное, этого так разом, чётко, как будто встряхнули резко, если бы не эти слова, сказанные Борисом, которые до сих пор стоят в ушах: «Валька... разбился... на машине...»

«В тот вечер всё было так естественно, легко, разве можно было подумать, что... – она судорожно вздохнула, гоня от себя самую страшную мысль. – Господи, как это отвратительно! Отвратительно сидеть и ждать! Эта неизвестность доканывает, сил нет! – она закрыла лицо руками: Нет, так нельзя! Димка прав! Надо брать себя в руки! А то так и свихнуться можно от этих мыслей. Пойду Аньке позвоню, вдруг известно что-то уже».

Она вздохнула, постояла немного, а потом решительно схватила телефон.

– Иришка, я как раз тебе звонить собиралась! – воскликнула Аня, услышав её голос в трубке.

– Что там? Есть новости? – встревожено спросила Ирина, напрягшись в ожидании ответа.

– Ириш, ему ночью операцию повторную делали.

– Почему?

– Ну, не знаю, им там виднее. Игорь, его сын, звонил, он там, в больнице дежурит.

Ирина сама не замечала, с какой силой сжимает трубку в руке.

– И?

– И опять ждём... Но вроде как врач обмолвился, что если за первые сутки ничего критичного не произойдёт, то надо просто ждать, когда он придёт в себя.

– Я с ума сойду ждать! Я уже столько за эту ночь себе накрутила! Я... Ань, мне дышать тяжело от этих мыслей... Я свихнусь, наверно, пока что-то прояснится!

– Ириш, – вздохнула Аня в трубке, – я отлично понимаю, что говорить тут бесполезно...

– И Димка ещё всё спрашивает, переживает, – перебила Ирина, – а я не знаю просто, что ему сказать...

– Ну как есть, так и скажи! Не будешь же ты вечно молчать.

Эти одиннадцать часов были самыми мучительными, как будто время нарочно растягивалось до безобразной длительности, желая поиздеваться.

Ирина ходила по дому, придумывая себе всё новые дела. Она отсчитывала в голове минуты, часы, машинально проти-

рая пыль на полках, переставляя с места на место цветочные горшки, разбирая и без того аккуратно сложенную одежду на полках.

В половине седьмого вечера запиликал телефон. Звонила Аня, судя по мелодии. Ирина выронила из рук стопку полотенца и бегом понеслась в прихожую, где валялся телефон, чуть не споткнувшись о табуретку. Запыхавшись, она схватила трубку.

– Он очнулся, слышишь меня? Очнулся! – кричала Аня.

– Ань, правда? – руки затряслись от волнения.

– Правда! Стала бы я просто так звонить! – выпалила Аня.

Ирина, не помня себя от радости, влетела в комнату к сыну, который сидел за компьютером. Обняла его, пробормотав:

– Димка, какое счастье, какое счастье!

– Мам, ты эти два дня чудная какая-то! – повернулся он к ней, удивлённо смотря.

Она пожала плечами:

– Просто очень сильно переживала за одного человека. Он в аварию попал и мы... я не знала, выживет он или нет, понимаешь?

– Ну конечно, понимаю! А кто это – он? – Димка с любопытством смотрел на мать.

– Он... – она пыталась сообразить, как лучше объяснить. – Он – Борин друг, мы все работаем вместе... С кем в командировку ездили... – сын кивнул, поняв, о ком речь. – Вот

*он*обратно ехал, и в него машина врезалась и... мы все очень нервничали, потому что там... – Ирина перевела дыхание, – ну, врачи – они ничего толком сказать не могли, боялись, что... а сейчас Аня позвонила и сказала, что наконец *он*пришёл в себя...

– Ясно, мам, – Димка улыбнулся ей, – а то я прям испугался за тебя вчера, когда Аня тебя домой привезла. Я тебя в таком состоянии никогда не видел, – он вдруг серьёзно посмотрел на мать. – Когда отец ушёл, тебе плохо было, конечно, но не так, как будто жизнь кончилась, а тут...

– А тут вот так! – она как-то грустно улыбнулась и как будто виновато, словно извиняясь за это проявление чувств, пожала плечами и вышла из комнаты.

Дима

Ирина пошла на кухню и заварила чай. Она только сейчас сообразила, что уже почти сутки ничего не ела.

– Дим, если хочешь, чай готов! – крикнула она из кухни, налила побольше заварки себе в кружку – потянуло терпким

и одновременно чуть сладковатым ароматом бадьяна – и разбавила кипятком.

Устроившись в зале на диване, она включила телевизор. Через несколько минут сын вошёл и сел рядом. Некоторое время молча смотрел на неё, потом ни с того, ни с сего выдал.

– Мам, ты что, влюбилась?

Ирина вспыхнула, смутившись, пожала плечами.

– Да я уже догадался, ещё когда ты из командировки вернулась. Ты тогда про *неговесь* вечер говорила, не переставая... Когда ты рассказывала, у тебя лицо такое было...

– Какое – такое? – улыбнулась она.

– Да не знаю, как объяснить... одухотворённое, что ли...

– Дим...

– Мам, да ты не думай, я рад за тебя! Это же здорово!

– Думаешь?

– А почему нет? Если взаимно... А то ты как с отцом развелась, так и всё, решила, что будешь одна, сама по себе! Может, из-за меня, не знаю. Ты не думай, я не буду против... Ты же у меня молодая и красивая, в конце концов!

– Болтун! – она шутя пихнула его. Он рассмеялся, а потом абсолютно серьёзно добавил:

– Главное, мам, чтобы он к тебе хорошо относился и ценил.

– Ты знаешь, он замечательный, правда... – Ирина снова помрачнела. – Вчера я очень испугалась, когда осознала, что могу его потерять навсегда..., – тихо произнесла она.

– Всё обойдется, ты просто старайся не думать о плохом, ладно?

Ирина с благодарностью посмотрел на него и кивнула.

– Ладно, пойду к себе, отдыхай.

Глава 9.

Он медленно открыл глаза и обвел взглядом помещение, не понимая, где находится. Ощущение было, словно он только что вынырнул из-под тяжелой непрозрачной толщи воды.

Валентин пытался сообразить, что происходит. Удивляла какая-то непривычная непослушность тела. Он попробовал приподняться и вскрикнул от резкой боли в плече. До него стало постепенно доходить, что произошло. Он вспомнил машину, несущуюся ему на встречу. Вспомнил момент удара. Болела голова... Нет, не так: безобразно болела голова, боль пульсировала внутри, отдавая в виски, как будто кто-то изнутри хотел расколоть черепную коробку.

Это мешало думать.

Он стиснул зубы, попытался повернуть голову – замутило.

Валентин услышал звук открывающейся двери, но поворачиваться передумал: уж больно противное ощущение было.

– Так, прекрасно, пришли в себя, смотрю, – высокий немолодой врач обошёл кровать и встал напротив, оценивающе посмотрел на него.

Валентин лежал, с трудом пытаясь сконцентрироваться на лице вошедшего.

– Как самочувствие? – поинтересовался врач.

– Паршивое, – отозвался Валентин пересохшими губами,

– голова болит...

– Ну, это нормально, – невозмутимо продолжил врач, достал из кармана фонарик, осмотрел зрачки, поводит из стороны в сторону, проверяя реакцию. – Вам сделали две операции, у вас травма головы и, надо сказать, достаточно серьёзная, два перелома... Вы хоть помните, что случилось?

– Авария... в меня въехала машина со встречки...

– Хорошо, – удовлетворённо кивнул врач. – Вас привезли без сознания, в машине скорой помощи была остановка сердца, реанимировали. Травмы, конечно, серьезные, но, будем надеяться, всё обойдется малой кровью. Не быстро, но восстановитесь. Пока лежите здесь, мы наблюдаем, сейчас придёт медсестра, сделает обезболивающее. Плечо сильно беспокоит?

– Да, – слабо произнёс Валентин.

– Перелом неудачный, сложный.

В мозгу промелькнуло: «А перелом бывает удачным?»

Уже выходя из палаты, врач вдруг повернулся:

– Я позвоню вашему сыну, скажу, что вы пришли в себя, он ждёт.

Игорь сидел в палате и читал книгу в телефоне. Отец по-прежнему находился в реанимации. Он договорился с врачом, чтобы ему разрешили посидеть там первую ночь после

того, как отец пришёл в себя.

Сейчас было уже за полночь, но спать не хотелось, видимо, сказывалось напряжение последних дней. Нервы были до того взбудоражены, что организм был уже на пределе, но мозг пока не осознавал этого. Настолько в перевозбуждённом состоянии он был.

Игорь не спал нормально с той злополучной ночи. Он взял неделю за свой счёт на работе, и все эти дни занимался кучей разных дел. Ездил туда-обратно в больницу, потом к дознавателю.

Встречался с тем товарищем – виновником аварии. Игорь смотрел на этого мужика и пытался разобраться, действительно ли тот сожалеет, что он человека чуть не угробил или за себя трясётся больше? «Суетится, взгляд бегаёт, заискивает... Скорее, второе. Перепугался, понял, что ему уголовка светит. Адвоката нанял, судя по всему, а тот посоветовал извиниться и предложить компенсацию. Ну её, к чёрту, твою компенсацию! Башкой думать лучше бы учился, а не жопой! Сейчас передо мной стоишь – лебезишь, а когда летел, хрен знает куда на дороге, чем соображал, спрашивается? – подумал Игорь. Вслух, конечно, ничего не сказал, но от денег отказался. – Пусть по суду решают. Надо бы тоже адвоката взять и доверенность сделать на представление в суде от отцовского имени».

Потом звонила мать, откуда-то узнала, видимо. Он ей вкратце рассказал, что и как. На этом разговор закончился.

С чего вдруг позвонила? Ей уже давно не было дела ни до него самого, ни уж тем более до отца.

Плюс в отцовской фирме нужно было разобраться с текучкой. Там, конечно, был человек, который занимался всей рутинной, но нельзя же было пускать это на самотёк.

А с другой стороны, вся эта канитель с текущими делами помогала отвлечься. Может, он и выглядел внешне спокойным, но это не означало, что он не переживал. Ещё как переживал! Просто привык в себе всё держать. Но это ожидание даже его флегматичную натуру изматывало. Неопределённость, какой-то неконтролируемый страх, иногда подкатывающий к горлу, вызывающий тошноту. А если отец не очнётся? Если вообще умрёт? Ведь никто пока не знает и толком не делает прогнозов. Они только говорят: «Ждите!», а сил уже нет ждать!

Тихие, бесшумные медсёстры, неяркий больничный свет. Отец, лежащий на кровати, окутанный этими проводками. Его лицо, какое-то другое совсем, словно это его копия, а не он сам...

Все эти мысли, мысли... а он так уже устал...

А сегодня наконец произошло то, на что все так надеялись – отец очнулся. По словам врача, все показатели в норме, но надо наблюдать. Пока он был ещё слишком слаб.

Игорь отложил телефон на тумбочку и потёр глаза. Устал. Он очень устал за эти дни.

Он встал, немного размялся, подошёл к окну. На улице

было тихо, ночные мотыльки бились о стекло. Он прислонился лбом к прохладному стеклу, прикрыл на секунду глаза.

Внезапно в тишине палаты раздался стон. Игорь резко обернулся и взглянул на отца: голова беспокойно металась по подушке, веки подрагивали. Он подошёл, накрыл его руку своей и произнес негромко: «Тшшш». Как будто успокаивал ребёнка, которому ночью приснился плохой сон.

Так странно было видеть отца совершенно беспомощным. Всегда волевой, сильный человек, на которого можно положиться, который, казалось, с лёгкостью решал все проблемы. А потом всего какие-то секунды – и всю жизнь разделило на «до» и «после». И никто пока точно не знает, каким будет это "после".

Под утро его всё же сморило: он уснул прямо на стуле, облокотившись на тумбочку. В половине седьмого утра его разбудил приход медсестры.

– Вы бы поехали домой, поспали бы по-человечески! – сочувствующим тоном посоветовала она Игорю.

– Да нет, я нормально, – ответил он, с трудом разлепляя веки: организм всё-таки сдался.

Олеся шла по коридору больницы. Скромный вид: джинсы, толстовка, кроссовки. Волосы собраны в хвост, неяркий макияж – она же идёт навестить бывшего мужа, за которого

по сценарию сильно переживает, поэтому ей не до прихорашивания, всё по-простому. Плотно сжатые губы без помады, чуть раскосые карие глаза, настороженно посматривающие вокруг, тонкий нос, цепкий взгляд.

Рядом с палатой был пост медсестры.

– Девушка, вы куда? – спросила молоденькая медсестра, приподнимаясь из-за стола.

– А мне... мне надо к мужу! Он здесь у вас в реанимации лежит... – начала было Олеся.

– Вы что?! – девушка выбежала из-за стола и перегородила ей путь, раскинув руки в стороны, – Вы как вообще сюда попали? Кто вас пустил? Мне Антон Алексеевич ничего не говорил про вас! – воскликнула она.

«Чёрт!» – еле слышно выругалась Олеся.

– Я... Да мне сказали, что можно так пройти. Ну, нет – так нет! Вы, девушка, не нервничайте, я же не собираюсь больницу штурмом брать! – поспешила заверить Олеся, видя непреклонный настрой медсестры. – Всё, уйду, уйду! Когда можно будет-то?

– Вот когда переведут в обычную палату, тогда и можно! А сейчас только по согласованию с лечащим врачом! А Антон Алексеевич вам явно ничего не согласовывал!

– Ну, до свидания! – недовольно бросила Олеся и развернулась к выходу.

«Тоже мне, умная нашлась! Опять, небось, Ильинична внизу дежурит! И не пожалуешься ведь! – с досадой прого-

ворила медсестра, усаживаясь обратно за стол. – Ходят всякие, кому не лень! Жена она, ага, видали мы таких!»

– Ну чего? Ты чё так быстро? – окликнула Олеся невысокая рыженькая женщина, стоящая возле «Киа-оптима».

– Да ничего! – отрезала Олеся. – Зря только прокатались! Поехали отсюда!

– Так ты его видела или нет, я не поняла?

– Садись давай! – скомандовала Олеся, заводя машину. – Нет, обломалась! – и пояснила в ответ на вопросительный взгляд подруги. – Не пускают туда просто так! Он в реанимации всё пребывает, понимаешь ли! Я там сунула одной при входе, она разрешила пройти, а там девица какая-то на посту сидела – упёрлась рогом! Такой денег давать бесполезно, эта из принципиальных попалась!

– Хреново!

– Ну, а я о чём?

– А ты это... Ну, он вообще оклемается, как думаешь?

– Куда он денется! – безразлично, как об абсолютно чужом человеке ответила Олеся.

– Лесь, тебе что, совсем его не жалко?

– Жалко у пчёлки в известном месте, а мне некогда фигнёй заниматься!

– А мне жалко! – вздохнула Нина. – Хороший он мужик, к тебе всегда нормально относился. Чего ты злая такая?

– Потому что! – не придумала, как ответить Олеся.

– Ну, как знаешь! С этим настроем тебе вряд ли удастся

убедить его, что ты жалеешь о разводе. Или ты думаешь, после аварии у него память отшибёт, и он забудет, как вы скандалили последнее время, и как ты всем болтала, что он от тебя налево ходит, а сама в это время с Кириллом роман завела?

– Нин, ты чего, меня достать решила? – на секунду повернулась к ней Олеся. – Когда мне надо, я же могу ангелом быть!

– Да, только не забывай, что он слишком хорошо тебя знает. Думаешь, поведётся? – возразила она. – Это тебе не Кирилл, тот совсем другого склада.

– Ну надо сделать так, чтоб поверил! А этот гад, Кирилл, ещё пожалеет, что меня кинул! Он думает, я пропаду, что ли, без него? А то, видите ли, он не мог не жениться, скотина! Совесть какой! Она, значит, в жёны годится, а я только время проводить? Я на него почти четыре года потратила, я же идеальной была просто! Это с моим-то характером, заметь! Каких трудов мне это стоило! И он мне так честно говорит: «Мы с тобой больше не можем встречаться, я через два месяца женюсь!» Женится он! А я пролетаю, как фанера над Парижем! Нет, я что – дефектная какая?

– Почему? – не поняла подруга.

– Да потому что! – разозлилась вконец Олеся. – Только мужика нормального подцепила, думала, заживу наконец по-человечески, и на тебе!

– Ты жила с Валькой отлично, чего тебе не хватало, не

пойму? Нет, тебе всё не так было! Он деньги все в дом приносил, ты себе шмотки любые покупала, на море вас с Игорем возил, да и вообще, сам мужик-то какой видный, странно, что он любовницу себе не завел!

Олеся нахмурилась.

Олеся

– А сейчас, значит, он тебя опять устраивает? – продолжила Нина.

– Ну так, лучше, чем ничего? Тут хотя бы, всё уже известно, а на нового мужика сколько времени опять потратить надо, а мне уже сорок пять, между прочим, и не так-то это легко, как раньше!

– Валька умный, не думаю, что ты ему голову запудрить сможешь. И вообще, может, у него есть кто-то!

– Не похоже, живёт он всё один, я специально туда ходила, чтоб соседку встретить какую-нибудь. Ну и как раз там одна выходила из подъезда, а я ей сказала, что вроде как мимо шла. Поболтали о том, о сём, она спросила, общаемся ли мы с Валькой, я ей, мол, у нас у каждого своя жизнь личная. Она мне, да ладно, у него так после тебя постоянной бабы и не было. Бывает, приводит каких-то, но на этом всё.

– Ну ты и пронира, всё разнюхала! – восхитилась Нинка.

– Ну должна ж я была почву прощупать, – резонно ответила Олеся. – Да и был бы кто, она б наверняка в больницу пришла бы и караулила, – заключила она.

– Твоё дело, конечно, – с сомнением ответила Нина, – попробуй, только что-то сомневаюсь я в твоей затее.

– Главное, чтоб мне никто не мешал.

Глава 10

– Игорь, привет, как отец? ...А? ...Понял, понял, – Борис ходил по комнате, собирая в чемодан вещи, разложенные на кровати. – Что врачи говорят? Когда его из реанимации выпишут... – он запнулся, – в смысле, переведут, я хотел сказать? ...Ты ему передай, что я зайду, как только вернусь... Да, конечно, ты, как он сможет, позвони мне, дай мне с ним поговорить... ага... Пока, до встречи!

Он закончил разговор, огляделся, ища глазами что-то, потом выдвинул по очереди все ящики комода, пошарив там в бумагах, и, наконец, крикнул жене в кухню:

– Анют, мой паспорт где? Не видела?

– Борь, перед зеркалом в прихожке лежит, сам же положил, чтоб не забыть!

– А-а, – протянул Борис, – с этими сборами всё из головы вылетело!

Борису нужно было на самолёт. Позвонил брат, попросил приехать, потому что надо было уже что-то решать по поводу матери. У неё был склероз, и она стала совсем плохо соображать. К ней днём приходила сиделка, потом её сменяла жена брата – одну её было оставлять совсем нельзя. Она могла забыть что-нибудь выключить, уйти из дома и не вспомнить, как попасть обратно.

Они должны были решить вопрос о помещении её в спе-

циальный пансионат, потому что так было бы лучше для всех и спокойнее. Там был круглосуточный присмотр, уход. Борису предстояло всё это обсудить с братом, да и оплата пансионата была его задачей: брат с женой попросту не потянули бы финансово. Поэтому они с Аней улетали на время в Ростов.

Ещё с неделю Валентин пробыл в реанимации, потом его перевели в обычную палату. Он медленно шёл на поправку, повязку уже сняли, разрешили полулёжа находиться в кровати. По-прежнему делали уколы, плечо постоянно ныло, гипс не давал возможности удобно улечься.

Но это всё можно было перетерпеть, а вот лежать целыми днями одному было тяжело. Нет, конечно, сын приходил, но не мог же он у него постоянно находиться. Но, хотя бы притащил планшет и наушники, чтобы слушать аудиокниги и музыку. Всё ж какое-то развлечение.

Олеся, оглядевшись и убедившись, что никого нет рядом, проскользнула в палату и тихо закрыла за собой дверь. Валентин лежал и безучастно смотрел в окно, не слыша, что она вошла. Она приблизилась к кровати, ожидая, что он за-

метит, но он продолжал смотреть в окно.

– Здравствуй, Валь, – с такой знакомой интонацией проговорила она.

Его губы тронула усмешка. Он нехотя повернулся к бывшей жене: та стояла и как будто бы действительно с жалостью смотрела на него.

– Валь, как ты себя чувствуешь? – заботливо спросила она, присаживаясь рядом на стул.

– С каких пор тебя стало заботить моё здоровье? – скептическим поинтересовался он.

– Валь, ты знаешь, как я испугалась за тебя, когда узнала, что ты разбился на машине? – воскликнула Олеся, прижав руки к груди.

– Да ну? – он недоверчиво взглянул на неё.

– Валь, зря ты так насчёт меня! Я знаю, что у нас всякое было, но мы же не чужие друг другу! – она постаралась придать лицу соответствующее выражение. Он не ответил.

– Просто... просто, когда я узнала, – она понизила голос, почти перейдя на шёпот, – я поняла, что ты мне всё ещё дорог, – она сделала паузу, ожидая его реакции, он продолжал молча смотреть на неё. – Тогда мы слишком, наверное, устали от всего, чтобы захотеть что-то изменить, поэтому и разошлись... – сделала ещё одну попытку Олеся, стараясь угадать, как же лучше построить разговор.

– Допустим, – наконец удостоил он её ответной реплики.

– Я просто хочу, чтобы ты знал, как я на самом деле к тебе

отношусь! – с чувством продолжала она, уверенно отыгрывая свою роль.

– И как же? – в голосе по-прежнему явственно слышался скепсис.

– Ты всё ещё много значишь для меня, поверь! – она тихонько сжала его руку, смотря ему в глаза.

Он вздохнул.

– Валь, можно я буду приходить к тебе? А? – проникновенный взгляд.

Он оценивающе посмотрел на неё, пытаясь определить степень искренности:

– Попробуй... – безразлично произнёс Валентин.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Тогда я ближе к выходным заеду! – Олеся нагнулась и поцеловала его в щёку.

Игорю пришлось вернуться обратно в Нижний. Он должен был решить на работе по поводу отпуска, чтобы иметь возможность помочь отцу, когда его выпишут. Вернулся он в субботу утром и сразу поехал в больницу.

Изголовье кровати было чуть приподнято, так удобней было лежать. Состояние улучшилось, тошнота была гораздо реже, но Валентин всё ещё чувствовал слабость.

Игорь облокотился о подоконник и посмотрел на него:

– Слушай, я тебя всё спросить хотел, – начал он.

– О чём? – отец взглянул на него и постарался угнездиться поудобней на подушке.

Эти их разговоры, длинные, неторопливые ему очень нравились. Какая-то спокойная откровенность. Перед сыном он не чувствовал неловкости, делясь своими мыслями, потому что знал: тот его понимает, и, возможно, даже больше, чем Борис. С Игорем они были во многом схожи, единственное, сын не обладал той горячностью и эмоциональностью, присущей Валентину.

Они и раньше подолгу разговаривали, но редко, потому что Валентин не сильно любил звонить по телефону не по делу, общаться предпочитал вживую. А в родной город он ездил нечасто, так же, как и Игорь к нему сюда. Зато сейчас времени было хоть отбавляй.

– Тогда, помнишь, перед твоим отъездом мы с тобой в Нижнем гуляли вечером? – продолжил сын.

– Ну, помню, конечно!

– Я рассказал тебе, что мы с Олей собираемся расписаться, а ты тогда сказал мне, что не хотел бы, чтобы я повторил твои ошибки в семейной жизни...

– Ну, нормальное такое родительское желание! – улыбнувшись, ответил Валентин. – Ты к чему клонишь?

– Да просто последнее время думал об этих твоих словах. Знаешь, меня всегда удивляло, почему ты с матерью столько лет вместе прожил. Вы ведь настолько разные! Сколько себя помню, она всегда сама по себе была, ты – сам по се-

бе. Как соседи жили. Мог бы ведь и раньше развестись. Может, по-другому бы всё сложилось, встретил бы кого-нибудь, действительно своего человека, а? Зачем было жить вместе, если вы друг друга еле выносили?

Валентин задумался, потом попытался объяснить:

– Ну, как сказать? Сначала ты маленький был. Это выглядело бы по-скотски, если б я от вас тогда ушёл, хотя отношения у нас в тот период были, мягко говоря, сложными. Да и она б мне с тобой видеться не дала бы наверняка... А я не хотел, чтобы сын у меня был только на расстоянии...

Потом вроде как переехали в свою квартиру, ты подросток. Сначала казалось, что, может, новый этап начнётся, вроде как говорят, самые сложные – это первые годы брака, а дальше... – он вздохнул, – дальше, сам не знаю, привык уже так жить, видимо, – с сожалением произнёс Валентин. – Потом в какой-то момент понял, что совсем тошно стало, больше уже сил нет, да и ты уже стал к тому времени самостоятельный, и решил, что пора...

– Ну, у нас с Олей по-другому, ты же понимаешь? – он выразительно посмотрел на отца.

– Да вижу, конечно. У тебя уже и возраст, когда такие решения взвешенно принимаются, мне-то только двадцать два стукнуло, когда я женился, – усмехнулся он, вспомнив себя в то время. – Да ты и по натуре немного другой, более рассудительный, что ли...

– А зачем тогда вообще жениться надо было? – казалось,

его всерьёз сейчас это интересовало. – Ты её вообще любил когда-нибудь?

– Зачем? Да, всё банально. Уж так получилось: я узнал, что она беременна от меня, ну не мог же я её бросить как козёл какой-нибудь? Мы встречались какое-то время, да, но всё как-то ровно было, да и не думал я всерьёз тогда о семье... Ну, уж как вышло...

– Столько лет прожить с нелюбимым человеком, – задумчиво произнёс Игорь.

– Ну что теперь говорить толку? Обратного же не перемотаешь! – Валентин немного помолчал, потом спросил. – Что это тебя на философию потянуло, а? – улыбнулся он.

– Да так я...

– А никто, кроме твоей матери не приходил больше, не спрашивал про меня? – вдруг спросил Валентин.

– Да нет, – пожал плечами Игорь. – А ты кого-то ждёшь?

Валентин осторожно покачал головой (резких движений лучше было пока не делать):

– Просто думал... не важно, – оборвал он фразу.

– Ты о чём, пап? – пронизательный взгляд карих глаз.

– Да так я, о своём, не обращай внимания... – он отвёл глаза. – Паршиво просто на душе как-то.

– От чего паршиво, не поделишься?

Валентин с сомнением посмотрел на сына.

– Мне, не знаю, может, показалось, – продолжил Игорь, – но ты в последние месяцы изменился, я тебя таким не пом-

ню.

– Старею, наверно, – пошутил Валентин.

– Да ну, тебе с твоим темпераментом и энергией до старости – как до луны, я не о том!

– Интригуешь прям!

– Да я подумал, может, у тебя появился кто-то, – предположил Игорь. Взгляд отца вдруг резко посерьёзnel. – В Нижнем так ты вообще ходил – светился весь, такого с тобой точно раньше не было. Были ж у тебя женщины после того, как вы с матерью разошлись, но ты к ним ровно относился, а тут явно что-то другое.

Валентин вздохнул и с горечью сказал:

– Я тоже думал, что наконец появилось что-то настоящее...

– И?

– А *онани* разу не появилась после аварии...

– Кто – *она*?

– Мы давно знакомы, она... она работает у Борьки... – он на мгновение задумался, перебирая в памяти те дни. – И вот, как ты говоришь, как раз в последние месяцы я понял, что стал относиться к ней по-другому, не так, как раньше. Не знал просто, как подступиться, вот веришь? Первый раз в жизни! Она... Знаешь, она не похожа на других... – откровенно сказал Валентин.

– Что, так серьёзно?

– Более чем... – то ли с сожалением, то ли с грустью про-

изнёс он.

– И в командировку это она с Борисом тогда приезжала, надо думать? – догадался Игорь.

– Она...

– Ясно, – улыбнулся сын, – то-то ты сам не свой был!

– Со мной вообще впервые в жизни такое происходит! – признался вдруг он. Так уже устал в себе всё держать и каждый день в голове мусолить, наверное, пришло время выговориться перед кем-то.

– А ты уверен, что она отвечает тебе тем же? – осторожно спросил Игорь.

– В тот вечер был уверен на все сто процентов. Не такая она, чтобы специально приманивать, а потом отталкивать, играть. Она и не пыталась... Если бы я сам не сделал первый шаг, то и не вышло бы ничего.

– И что в итоге?

– В итоге после того, как они с Борисом уехали, я понял, что другая никакая мне не нужна... – он сжал губы и отвернулся.

– А что, потом, ну до аварии, я имею в виду, вы не созванивались, что ли?

– Нет, мы так договорились. Ну ты что, меня не знаешь? – воскликнул Валентин. – Не люблю я по телефону и вот это вот всё! Думал, ну, приеду, зайду к ней на работу без предупреждения... и не доехал... Вот почему она не пришла сюда? Неужели ей всё равно?

– Ну пап, почему так мрачно-то? – возразил Игорь. – Во-первых, позвонить тебе некуда, телефон твой накрылся... Во-вторых, ты в реанимации две с лишним недели был. Потом... ну, мало ли, что?

– Ну, хотела бы – пришла бы? – в его голосе слышалась одновременно обида и какая-то обречённость.

– Ох, ну что тебе сказать? Гадать смысла нет!

– Сам знаю! – ответил резко Валентин.

– А мать почему сюда ходить повадилась?

– Поди пойми! – скривился он. – У неё, видишь ли, любовь ко мне такому несчастному проснулась внезапно! Да ну её! Она меня меньше всего сейчас волнует!

– Пап, вопрос один не сильно приятный можно?

– Ну чего уж там, спрашивай! Что ещё хуже-то может быть? – ворчливо проговорил он.

– А ты уверен, что Ирина... как сказать-то... – замялся Игорь, – что она не хотела просто воспользоваться тобой? Ну, расчёт элементарный? – он внимательно посмотрел на отца.

– Нет, – не раздумывая, ответил тот, – она не из таких, уж поверь, ты просто её не знаешь, – с горячностью произнёс он.

– Ну ладно, хорошо, если так. Значит, там причина должна быть посложнее. Может, она не знает, что к тебе можно? Борис уехал, у тебя телефона сейчас нет, кому же ей звонить? – рассуждал Игорь. – Надо, кстати, тебе новый телефон подогнать, тот после аварии на выброс.

– А машина?

– Машина не лучше, теперь компенсацию через страховую ждать хрен знает сколько.

– Дерьмово...

– Согласен...

– Ты мне вправду уже телефон достань, что ли, а то я здесь как в вакууме живу!

Игорь кивнул.

Выходя из палаты, он столкнулся с матерью.

– Что-то ты зачастила! – вместо приветствия произнёс Игорь. – Что тебе так от отца понадобилось-то? – спросил он.

– Ничего! Ты, значит, можешь за него переживать, а я нет? – с вызовом проговорила Олеся.

Он пожал плечами. А потом, когда она зашла внутрь, пробормотал: «Не уверен в твоих сострадальческих чувствах». Игорь слишком хорошо знал свою мать, чтобы поверить в её альтруизм.

Глава 11

Валентин снова смотрел в окно – почти единственный вид развлечения, доступный сейчас ему. В последнее время головные боли стали тише, то ли уколы помогали, то ли восстановление так шло. Больше добивало то, что нужно было лежать постоянно. Ещё плечо это: ни повернуться, ни пошевелиться толком, и сколько это будет продолжаться – непонятно. Настроение отвратное, всё бесит. Тошно уже ото всей этой ситуации.

«Только всё наладилось в жизни, думал, чего ещё можно желать, а теперь... Да нет, понятное дело, тут главное, что вообще жив остался... Только вот почему, почему тогда, когда наконец всё сложилось в кои-то веки, раз – и тебя сбросили с небес на землю! – монологи с самим собой были теперь обычным делом. – ...Где же это было? А, фильм есть такой, точно. Боги позавидовали и наказали за слишком большое счастье. Героиня там одна так думала... Видно, где-то баланс с гармонией я перевесил, и вот... Да глупости! Чушь всё это! Просто такое дурное стечение обстоятельств... От уколов этих ещё какое-то отупическое состояние!»

Для него, привыкшего к активной жизни, никогда не сидевшего на месте, это вынужденное бездействие было хуже всего. Появилось чересчур много времени для мыслей: разных, беспокойных, гнетущих, сомнительных, раздражаю-

щих. И все они скопом вертелись в голове днём и ночью, круглосуточно, потому что спал он плохо – лежал и пялился как дурак в потолок и разговаривал мысленно сам с собой.

Днём полегче было: то медсестра придёт, то Игорь. Правда, он, бедный, мотается везде, где только можно. Ещё и на два города разрывается.

«Олеська ещё зачем-то таскается... Что-то даже не бесит, как-то безразлична эта её болтовня... пусть болтает, что угодно, всё равно... А *онане* приходит... Почему? Тошно...» – мысли так или иначе возвращались к Ирине, совсем не хотелось признавать, что он ошибся. Он тосковал по ней, до одурения хотелось, чтобы это она, а не бывшая жена сюда приходила, просто была рядом. И вместе с тем росло где-то внутри, заслоняя воспоминания, чувство обиды, уязвлённой гордости.

Он был в состоянии какой-то апатии. Хотелось просто, чтобы всё было как раньше, три недели назад.

Звонил Борис, сказал, что задержится ещё на какое-то время. Спросил, как дела, а потом сообщил, что Валентина перевели в отдельную палату, и теперь к нему можно. Она хотела съездить туда в пятницу после работы, должна была как раз успеть в часы приёма. Ирина нервничала, волновалась с самого утра. Они, получается, не виделись уже почти

месяц и теперь она одновременно и боялась этой встречи, и очень желала её.

За это время она измучилась уже от ожидания, от невозможности увидеть его, от того, что не от кого было толком узнать, как он. Но не поедешь же туда просто так вот, без спроса, не родственница ведь. Она надеялась, что ей разрешат пройти в палату. Борис же сказал, что можно, хоть на немного. Пропустили. Осталось по лестнице подняться на второй этаж и там почти до конца коридора. Ух, как колотится сердце-то, просто безобразно!

Невольно она замедлила шаг, подходя ближе. Дверь неожиданно открылась, и из палаты вышла прямо ей навстречу высокая темноволосая женщина. Остановилась, оглядела её как-то оценивающе, отчего Ирина почувствовала себя так, будто провинилась в чём-то.

– А вы, простите, куда, девушка? – поинтересовалась эта особа.

– А я... – Ирина вдруг растерялась, – я пришла навестить...

– А, к Валентину! – протянула женщина понимающе.

– Ну да, мы работаем вместе... «Можно я пройду?» — неуверенно спросила Ирина.

– Послушайте, – она взяла Ирину под локоть, чуть отведя в сторону от дверей палаты, – вы не совсем вовремя, – она улыбнулась. По-видимому, улыбка должна была получиться приветливой, но Ирина почувствовала себя ещё неудобнее.

– Ему укол сделали снотворного, голова болит сильно, спит плохо, – пояснила она, – Да, кстати, я – Олеся, – представилась она.

– Ирина, – пробормотала та в ответ.

– Очень приятно! Я не знаю, говорил ли он вам, что я его жена... ну, бывшая жена, – поправилась Олеся.

– Нет, не говорил... – вдруг неприятно заныло внутри.

– Ну, просто я как узнала про аварию, сразу приехала. Он обрадовался, мы же давно не виделись, у каждого была своя жизнь. Ну, вы меня понимаете, – Ирина взглянула на неё, пытаясь сообразить, куда клонится разговор.

– Ну вот я сейчас по очереди с Игорем – это наш сын, – уточнила Олеся, – навещаю его. Потом, когда выпишут, мы думаем, я там дома помогать ему буду. Мы уже обсуждали это.

Ирина внимательно смотрела на эту женщину, пытаясь представить её рядом с Валентином. Как-то не очень получилось, слишком они непохожие были.

– Что поделаешь, характеры у нас обоих взрывные, – между тем говорила она, – я поняла, что поторопилась тогда с разводом. Знаете, бывает быт заедает, проблемы, и стгоряча чего не сделаешь, правда?

Ирина кивнула.

– Ну вот, а после аварии, – доверительным тоном сообще-

ла Олеся, – мы снова сблизились, бывает же так? – она снова улыбнулась, на сей раз вышло даже душевно. – Сама не думала, что так всё обернётся. Ой, – спохватилась она, – я вас заболтала, наверное, совсем! Жаль, что впустую проехали! Ничего, в следующий раз.

– Да, в следующий раз, – Ирина тоже заставила себя улыбнуться и даже решила сказать в ответ: Ну, рада за вас! Не было бы счастья...

– И не говорите! – поддакнула Олеся.

– Ну, я пойду лучше.

Ирина развернулась, прошла несколько шагов, потом остановилась.

– Вы передайте, что я заходила, если несложно. Пусть вздоравливает!

– Конечно, обязательно! – уверила её Олеся.

Она постояла немного, убедившись, что Ирина ушла.

«Вот и иди, давай, коллега! Надо же, неужели Нинка права была? Это вот она-то на моё место претендует? То же мне, нашлась. Я думала, он поразборчивей, а тут так, ничего особенного», – фыркнула Олеся.

Ирина чуть не бегом выскочила из больницы и быстро-быстро пошла по улице. Лицо горело, в висках словно сотни микромолоточков противно выстукивали.

Наконец, дойдя до какого-то небольшого сквера, она остановилась, плюхнулась на ближайшую лавочку. Она потёрла виски, дыхание всё никак не успокаивалось. Она попыталась

сделать глубокий вдох, чтобы прийти в себя. И ещё раз. Вроде отпускает.

«Правильно я сделала вообще? – спросила она саму себя. – Ну, а что, пошла бы к нему выяснять? Если бы она врала, тогда что ей было там делать? Значит, правда... Ну, коль уже такой настрой, что она собралась после выписки к нему домой, значит, он на это согласен? Мало ли, как бывает? Я же не настолько знаю, что там у него... – она нервно сжимала и разжимала пальцы. – То, что между нами было, это, возможно, случайность, просто такой порыв один на двоих, а теперь всё поменялось. Он, может, по-другому смотрит на всё...», – после разговора с Олесей она чувствовала себя раздавленной, как будто разом лишили всего того, что так грело надеждой все эти дни.

«И ведь такой дурой себя почувствовала! Так рвалась к нему, а теперь что?»

Глава 12

Игорь решил сам выяснить, в чём дело, отцу говорить не стал. Хотел съездить к Борису офис, ему всё равно туда так и так надо было. «Заодно посмотришь, что эта Ирина из себя представляет. Действительно ли она такая, как он говорит, или его просто на ней переклинило», – рассудил Игорь.

Игорь вошёл в офис, ища глазами, к кому бы обратиться. За стойкой сидела девушка. Он ей объяснил, зачем приехал, девушка показала на дверь в соседнее помещение.

Ирина взглянула на вошедшего: парень около тридцати лет, высокий, широкоплечий, тёмные густые волосы. Лицо с рельефными, выразительными чертами, серьёзный взгляд и глаза... Глаза совсем, как у *него*, только карие.

– Здравствуйте...

Она не дала ему договорить, непроизвольно воскликнув:

– Как же вы похожи на отца!

– Да? – он улыбнулся. – Наверное, со стороны виднее.

– Простите, я просто... неважно... – слегка растерялась она.

– Вы Ирина? – догадался он.

– Да.

– А я Игорь, ну, вы и так уже поняли.

– Очень приятно, – кивнула она.

– Я привёз документы по

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.